

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ В ГОДУ

ТЕРЕЗА ТУР

ИДДК

Тереза Тур

Самая длинная ночь в году

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25478147

Аннотация

Они никогда не должны были встретиться. Великий князь, родственник самого императора – и бедная талантливая целительница, сирота. Но князя вынесет порталом прямо ей под ноги, истекающего кровью, умирающего. Он назовется чужим именем, она поверит в его искренность. А когда узнает правду, то просто исчезнет из его жизни, не желая быть очередной игрушкой. Но добрые духи, хранящие их мир, дадут Андрею и Ирине единственный шанс спасти свою любовь – самую длинную ночь в году.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	71
Глава 9	81
Глава 10	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Тереза Тур

Самая длинная ночь в году

В романе использованы стихи автора.

© Тур Тереза

© ИДДК

Часть первая

Глава 1

Газета «Вестник Поморья» от 20 декабря 1900 года.

Обращение государя-императора Александра Александровича Радомирова к гражданам Поморья

Дорогие мои сограждане! В этот светлый день, когда мы отмечаем очередную годовщину образования нашего славного государства, хочется вспомнить всех, кто стоял у истоков.

Вспомнить первого императора Радомирова, который смог объединить наши земли, раздираемые усобицей. Того, под чьей дланью возникла наша страна. На зависть врагам и на радость нам, благодарным потомкам, простирается она широко и вольно от Северного моря до Южного, от Западного до Восточного.

Вспомнить солдат и офицеров, которые отстаивали и отстаивают нашу независимость. Целителей, спасающих жизни. Учёных, благодаря которым мы могущественны и непобедимы. Купцов и владельцев

заводов, что преумножают наши богатства. Крестьян и рабочих, что своим тяжёлым трудом дают нам возможность развиваться и идти дальше!

Славься, страна, славься, Поморье!

Южный имперский городок Джанхот. Двадцать первое декабря. Ночь с пятницы на субботу. Она

Стоит у моря замок

Назло семи ветрам.

Прекраснейшая Ари

Спит сном глубоким там.

Будто розы цветут во дворце ледяном – пробуждения
ждут снегири.

Чтобы встретить тебя красногрудой зарёй.

Спи, Ари, спи.

Ветер...

Наверное, на всей земле остался только ветер. Он прилетел внезапным шквалом в наш тихий городок. Властный, сильный, беспощадный и ледяной, он покориł морские волны, заставив их с грохотом обрушиться на берег. Волна свалила старое дерево, растущее на самом краю обрыва, и стон заповедных сосен раздался в горах. А ветер понёсся дальше, не обращая внимания на всхлипы и стоны деревьев, не встречая преград на своём пути.

Я никак не могла заснуть. Странно... Ведь когда-то не знала, что такое бессонница. Если была хоть какая-то возможность уронить тело – сознание отключалось мгновенно, до того, как голова коснётся подушки. Это было в другой жизни, с другим человеком. Было, и прошло. А теперь у меня бессонница. Приехали...

Вздыхнула, поднялась, хлопнула в ладоши, зажигая светильники в спальне, – решила, что буду читать. Наверное, зря я никуда не уехала на эти длинные выходные. Учительницы собрались в небольшое поместье в горах, расположенное всего в нескольких часах пути от нашего приморского городка. Поместье принадлежало родителям одной из них и носило замечательное название Анастасиевская поляна. Я любила там бывать, но сегодня отчего-то заупрямилась – осталась дома.

Наверное, у них сейчас ярко горит свет, веранда разукрашена ярко-алыми фонариками, в бокалах белое терпкое вино. И смех... Разговоры до утра. Я любила слушать разговоры коллег. Даже о проблемах, утратах и потерях можно рассказывать так, что остальные, да и ты сама, станут смеяться. До слёз. А потом уже можно будет дышать. Снова.

Жаль, что я им ничего о себе не рассказывала. Мне хотелось, правда. Но я не могла. Когда-нибудь решусь, наверное... Посмеюсь над своей глупостью, наивностью. Над светлой любовью, которая составляла всё моё существо, над выгрызающей тоской, поселившейся в сердце.

Всё правильно! Я ведь всё сделала правильно... Да?!

С тех пор как я сбежала, прошёл почти год. Почему же до сих пор так больно? Почему каждую ночь снятся сны – чудесные, яркие, после которых не хочется просыпаться, открывать глаза и возвращаться в реальность, холодную, серую и бессмысленную. Без него...

Но я ведь всё сделала правильно! Он предал. Он развлекался. Играл. А я полюбила...

Полностью поменяв всё – город, дом, я отказалась от части себя тоже.

Больно...

До прошлого года я думала, что знаю о боли всё. Я целительница. Меня учили с пяти лет, как только почувствовала свой дар и прошла посвящение. Дар исцелять дается лишь женщинам.

Все десять лет я была лучшей на потоке. Затем лучшей практиканткой в императорском военном госпитале. В самой столице! По традиции отличниц направляли работать с военными. Спать по шестнадцать часов в неделю много лет подряд было нормой моей жизни. Потом я год проработала полноправной целительницей в том же госпитале. Почти год.

А потом жизнь поменялась. Вернее, я поменяла её. Сама. Что со мной?! Слёзы? Никогда не была размазнёй – призвание и характер не позволяли.

Девчонки с курса даже прозвище дали – Ледяная Язва. Так они называли меня за глаза. Конечно, многие завидова-

ли. За отличные оценки, за внимание ко мне преподавателей, за то, что выделяли и ставили в пример. Поэтому подруг моего возраста у меня никогда не было. Только учителя и коллеги постарше относились с симпатией – за то, что любила учиться. И лечить. Самозабвенно.

Когда-то.

Глава 2

Ресторан на окраине Джанхота. Эта же ночь. Он

– И скажите, ваше высочество, что мы забыли в этой небесами забытой дыре? Нет, южное побережье нашей благословенной империи – это замечательно. Но никак не в декабре!

Чёрные, чуть раскосые глаза князя Алсапова насмешливо блеснули. Они достались вельможе от его предка, который происходил из кочевого южного народа. Во времена первого императора Радомирова этот род бежал из своих краёв и осел в Поморье.

– Как вы понимаете, светлейший князь, этот вопрос надо задать моему любезному дядюшке – он нас всех сюда вытащил.

И наследник Поморья кивнул в сторону мужчины лет сорока, который меланхолично перебирал струны гитары, усевшись чуть в стороне от весёлой и слишком молодой, с его точки зрения, компании.

В отличие от остальных, пивших шумно и весело местное белое вино – весьма недурственное, надо отметить, этот предпочёл коньяк в большом количестве, и хоть какую-то иллюзию одиночества.

Молодые люди лучших родов империи, князя Алсапов

и Варейский, и два графа, Волков и Соколов (именно они составляли окружение наследника), старались не подходить к двоюродному брату императора. Особенно когда он был в таком настроении. Хотя в подобной меланхолии, прорывавшейся бешеными вспышками беспричинной ярости, сиятельный князь Андрей Николаевич Радомиров пребывал в течение последнего года. И никто не мог понять, что с ним случилось.

Приставленный к наследнику лично его величеством, князь прекрасно знал, зачем они сюда забрались. Он решил устроить золотой молодёжи учения.

Буря, как и предсказывали маги-погодники, усиливалась. Через несколько часов повалит снег, к утру всё занесёт, и надо будет организовывать спасательную операцию и эвакуацию людей из дальних населённых пунктов. Вот пусть наследник и отрабатывает навык командования в чрезвычайной ситуации на примере данного района нашей необъятной страны. А с учётом того, что это предгорья, повозиться молодёжи придётся. Заодно посмотрим, кто из ближайшего круга наследника чего стоит.

Отложив гитару, князь Радомиров допил коньяк и вышел во двор. Ему нестерпимо захотелось на воздух. В ночь. Туда, где под бешеными порывами ветра крупными хлопьями валил снег.

Сзади скрипнула дверь. Кому в тепле не сидится? Жаль. Хотелось побыть одному, рассказать снежным мухам о своей

боли – пусть бы унесли с собой хоть немного... Может, легче стало бы.

– Самая длинная ночь в году... – раздался голос наследника.

– Да, ваше высочество, – нехотя откликнулся князь.

– Андрей Николаевич, вы сами на себя не похожи. Я могу чем-то помочь?

Двоюродный брат, доверенное лицо императора, вздрогнул. Иной раз наследник вёл себя мальчишка-мальчишкой, как, собственно, и полагается в его девятнадцать лет. А иногда... Иногда он поражал каким-то непостижимым умением читать в душах других. Так князь Андрей подумал. А вслух насмешливо сказал:

– Помочь? Мне?

Наследник не обиделся. Действительно, практически вся мощь империи была сосредоточена в руках двоюродного брата императора, второго человека в государстве по значимости и влиянию. Наследник прекрасно понимал, что сам он был лишь где-то в первом десятке. Наверное.

Сын императора не испытывал неприязни к родственнику, которому его отец верил иной раз больше, чем самому себе. Более того, он искренне желал у него учиться.

Но в последний год юноша просто не узнавал своего дядю, которого любил и которым гордился. В сердце наследника поселилась тревога...

– Простите, Александр Александрович. Я невыносим в

последнее время, – раздался голос князя Андрея.

– В ваших розысках... Результатов нет?

Наследник понял, что сказал, и стал ждать вполне заслуженной отповеди – дядюшка не терпел вмешательства в личную жизнь. И поэтому всем полагалось не знать ни о его романе, ни о том, что девушка сбежала, ни о том, что её почему-то не могли отыскать.

– Узнать бы, что она жива, – услышал он тихий ответ.

На двоих стоящих в темноте упало молчание – такое же беспросветное, как эта южная ненастная ночь.

– Я не могу её найти. Представляете? Я! Не могу... найти, – заговорил тот же голос, так непохожий на голос всемогущего вельможи.

«Так она хотя бы жива?» – готов был сорваться вопрос, но в последний момент Александр удержался.

– Я всего лишь не сказал, кто я такой. Я больше ни в чём не виноват. Случайная встреча людей, которые никогда не должны были встретиться. Небо, я никогда и ни с кем не был так счастлив! А она даже не дала мне возможности объясниться.

– Она узнала?

– О да. Она узнала. Увидела меня на параде в честь празднования вашего тезоименитства.

– Прошлый январь. Мой день ангела. Так вот почему вы удалились столь внезапно. Матушка ещё очень удивлялась...

– Я всё равно опоздал. Дома у неё никого не было. За ве-

щами, документами и драгоценностями никто так и не зашёл. Кулон связи, который я ей дарил, обнаружился в ближайшем к Дворцовой набережной мусорном бачке. А потом выяснилось, что она отправила два письма – одно в госпиталь, с заявлением об увольнении... – Андрей Николаевич замолчал, словно ему не хватило воздуха.

– А второе? – устав ждать ответа, спросил наследник.

– Второе... – В голосе мелькнула горькая насмешка. – Второе, соответственно, мне. Она нашла в справочнике официальный адрес моей резиденции, подписала конверт всеми моими титулами, положила туда подаренные мною накопитель энергии и охранный амулет... – Родственник императора непроизвольно коснулся браслета. На вид ничего особенного – несколько тёмно-синих камней вплетены в замысловатый узор шнура.

– Вы ей дарили свои фамильные артефакты? – изумился Александр.

– Именно.

– Странная история. Но почему она ушла и не дала вам возможности объясниться?

– Не знаю. Теперь я могу лишь гадать, сходить с ума и молить небеса, чтобы они хранили её.

Ярким светом распахнулась дверь, их окликнули.

Князь Андрей дёрнулся, словно очнулся.

– Ваше высочество, вы позволите мне вас покинуть? – уже своим нормальным, язвительным голосом заговорил он, оки-

нув насмешливым взглядом высыпавших на крыльцо придворных.

– Конечно, ваше сиятельство. – Наследник прекрасно понимал, что родственнику надо побыть одному.

Тот коротко кивнул и ушёл. Всего несколько шагов, и князь исчез в непогоде, словно никогда здесь не было ни его, ни этого странного откровенного разговора.

– А принесите-ка мне коньяку, – распорядился несвоевременно протрезвевший наследник, подумав, что после подобных разговоров действительно стоит напиться.

Глава 3

*Столица. Чуть больше года назад.
Сентябрь – её любимый месяц. Она*

День прошёл суматошно. Я уже заметила, что в нашем отделении травматологии практически каждая пятница – это что-то. Как будто люди специально ждали целую рабочую неделю, чтобы удивить что-нибудь к выходным.

Сегодняшняя пятница исключением не стала. Сразу после обеда повалил народ. Ожоги, порезы, переломанные конечности, порванные связки и прочие удовольствия.

И хотя я была после ночного дежурства, следовательно, могла уйти домой сразу после обеда, всё-таки задержалась на посту. Сильно задержалась. Просто, заскочив в приёмный покой, обнаружила там покалеченных детей. Будь то взрослые, я бы ещё подумала. И, скорее всего, отправилась бы домой – но дети...

Я ободряюще улыбнулась совсем потерянной мамочке с младенцем на руках.

– Сколько ему?

– Четыре месяца, – подняла на меня заплаканные глаза молоденькая женщина.

– Хорошо, сейчас найду свободный кабинет и приму вас.

Постарайтесь взять себя в руки, а то в больницу придётся укладывать вас.

– Я только отвернулась, – всхлипнула женщина. – А Тёмка упал...

– Тсс...

Я перехватила её запястье и стала потихоньку сдерживать бешено стучащий пульс. Когда через несколько секунд удары сердца перестали сливаться один с другим, я поднялась, распорядилась дать мамочке успокоительную настойку, сделала несколько шагов, чтобы... И была практически сбита с ног!

По коридору, даже не обратив на меня внимания, носились кадеты императорского военного училища – высшего учебного заведения, куда набирали детей из самых высокопоставленных семей.

– Кадеты! – прозвенел над нашим коридором мой возмущённый голос. – Внимание! Построение!

Да... Отцу бы понравилось. Алексею Михайловичу Иевлеву, боевому генералу, отдавшему жизнь за империю. И пусть даже он не мог похвастаться знатностью рода, зато тем, что сам себе пробил дорогу – вполне. А ещё он отличался беззаветной храбростью. И тем, что служил империи Поморья на совесть и смог блестяще организовать оборону Мирогграда – самого восточного города нашей страны. В Чёрную войну.

И я, его дочь, вполне представляла, как общаться с солда-

тами и офицерами. Пять лет в качестве практикантки в госпитале многому могут научить. И не только как лечить пострадавших мужчин, но и как ими командовать. Так что с этими расшалившимися военными я справилась.

Не торопясь, подошла к вытянувшимся и замершим кадетам первого, судя по лычкам, курса. Дети ещё...

– Вы где находитесь?! – специальным низким голосом рывкнула я. Хуже нет кричать на высоком визге – получается жалко. – Почему в головных уборах? Кто старший?

– Простите, госпожа целительница. – Форменные фуражки нырнули вниз, вытянутые физиономии стали вполне соответствовать моменту.

– Стыдитесь, господа, – холодно продолжила я. – Подобным поведением вы не только мешаете оказывать помощь пострадавшим, но и позорите своё учебное заведение и ваши фамилии.

Четверо потупились, пятый же возмущённо уставился на меня.

– Сядьте! И не отвлекайте персонал. Когда придёт офицер, сопровождающий вас, попросите его зайти ко мне.

– Слушаемся.

И я наконец открыла дверь, за которой шёл приём.

– Добрый день, Елена Николаевна! – обратилась я к дежурной целительнице. Я займу соседний кабинет? Помогу вам принять поступивших. Вы не против?

– Спасибо, Ирина Алексеевна, – устало улыбнулась мне

приятельница. – Вы-то сами как?

– Неплохо, – улыбнулась я в ответ.

– Вторая целительница никак не доберётся до приёмника, я к ней ещё одного тяжёлого ребёнка на операцию отправила, – с извиняющимися интонациями протянула она.

– Пятница, – хором сказали мы, понимающе улыбнулись, и я отправилась к пострадавшему мальчику.

Часа через три я была обнаружена там заведующей отделением травматологии. И тут уже мне пришлось стоять, понурившись, пока княгиня Снегова меня отчитывала. Почти как я мальчиков-кадетов.

– Ирина Алексеевна! Я понимаю ваше рвение и желание помочь пациентам и коллегам. Но! – Взгляд строгих серых глаз на меня. – Вы должны отдыхать! Вы не должны быть истощённой. Надо соблюдать меру. Вы же пришли работать не один день. Не один месяц или даже год. Нет. Несколько десятилетий. И каждый день вы должны приходить на работу, излучая силу и уверенность. А с такими нагрузками при отсутствии отдыха... Вас надолго попросту не хватит. Вы перегорите, и уже вас нам придётся лечить. Всё! Домой. И, кстати говоря, у вас завтра выходной! И послезавтра тоже! И вы будете спать. Слышите меня? Спать! Спать и восстанавливаться!

И княгиня открыла дверь в кабинет, давая понять, что мамочку с маленьким мальчиком примет лично.

Я уже открыла рот, чтобы...

– Вы собираетесь со мной спорить? – с высочайшей степенью удивления посмотрела на меня заведующая.

– Нет, что вы, – поспешила ответить я.

– Вот и славно! Домой!

И я поспешила наверх, чтобы переодеться и уйти, наконец. Вышла на улицу, блаженно потянулась. Хорошо.

По широкому проспекту, на который выходило парадное крыльцо нашего госпиталя, прогрохотала конка. Их пустили по Поморску не так давно, и вид четвёрки лошадей, тянущей по рельсам ярко-синий вагончик, ещё вызывал удивление.

– Тайна расставания великого князя Радомирова с прямой императорского театра! – сновали мальчишки-газетчики. – Сударыня, купите газету! Самые свежие новости!

Я отрицательно покачала головой: газет я не читала. Ну вот что может быть интересного про то, кто кого бросил? А уж тем более почему. Это ж не продолжение серии книг про моего любимого некроманта!

– Ирина Алексеевна! – окликнули меня у выхода из госпиталя, вырывая из приятных мечтаний о том, как я расположусь дома, у любимого камина, с книжкой, купленной вчера.

– Да, – удивлённо обернулась я и увидела молодого офицера в той же форме, что была на непослушных мальчишках.

– Ирина Алексеева, минуту. Простите. Я обязан принести вам свои извинения за поведение вверенных мне кадетов. Простите, не уследил.

И он внимательно, как-то изучающе оглядел меня. И что

интересное он ожидал увидеть? Что, кроме белоснежных форменных одежд? Особым образом высоко повязанного платка, делавшего нас похожим на монахинь? Осунувшегося лица? Рук, чуть подрагивающих под перчатками от усталости? Что?

Пристально посмотрела на него в ответ.

«Красив», – с некоторым раздражением отметила я. Правильные черты лица. Выющиеся тёмно-русые волосы, чайного цвета глаза под густыми пушистыми ресницами и тонкие аристократические руки. При этом великолепно сложен – развитая мускулатура придавала мужественности. Высокий.

Подобная внешность сразила бы меня наповал, однако в молодом человеке было что-то отталкивающее. Наверное, слишком раздевающий взгляд, от которого сразу захотелось куда-нибудь спрятаться.

– Простите, – проговорил мужчина, осознав, видимо, что подобное разглядывание просто неприлично.

– Ничего. Как ваши подопечные?

– Одного, самого тяжёлого, уже прооперировали. Он очнулся. Простите, что не проследил за порядком – меня как раз вызвали к заведующей оформлять документы.

– А что у вас случилось?

– Эти... пиротехники слышали от преподавателя по истории про то, как перед самой Чёрной войной были созданы магические бомбы с зачарованным льдом. И решили тут же создать свою. Влезли в кабинет магической химии. Взлома-

ли охрану, между прочим! Вы можете себе представить, какая там охрана? У нас! Вот как, как, скажите мне на милость, такой талант может сочетаться с такой дуростью?

Он возмущённо посмотрел на меня. Вздохнул, выпуская облачко пара. Надо же, похолодало...

– Взяли первый попавшийся шар для оболочки, поместили в него разноструктурный лёд, – продолжил он. – И где заклинание только раздобыли?! Соответственно, оболочка у них в руках и рванула. Потому что стекло не удержит такое мощное заклятие, это же известно любому мало-мальски здравомыслящему человеку! А шаров из переплавленного особым образом чёрного хрусталя у нас нет. И не может быть! В учебных-то заведениях!

– Я даже представить себе боюсь, насколько сложно сделать подобную сферу, – вспомнила я уроки химии в пансионе и академии.

– И насколько опасно давать в руки этих... талантов! Поэтому подобные сферы хранятся... Ну, никак не в училищах. Как, впрочем, и зачарованный лёд!

Я только покачала головой. Вот детям делать нечего... И как в живых остались?!

– Хорошо ещё, – словно услышав мои мысли, проговорил офицер-воспитатель, – что додумались двоих поставить на защиту. И заклинания удались. Четверых несильно посекло осколками. И тот, у кого это всё рвануло, в живых остался.

– Родителей известили?

– Четверо – сироты. Извещать некого. А у пятого, который ими и верховодил... У того отец уже у нашего командира. Конечно, стоило мальчишку отчислить, как зачинщика. Но... Отец – генерал. Так что, думаю, всё обойдётся деньгами на восстановление кабинета.

Я поморщилась. Ну конечно, высокопоставленный отец. Кто ж сына наказывать будет по-серьёзному? Другое дело – сироты...

– А остальные? – спросила я.

– Тоже оставят. На испытательном сроке. Ну и преподавателю магической химии отдадут на растерзание. Наш профессор – настоящий фанат своего дела. Практически все студенты, что попадали в его ведомство за ту или иную провинность, впоследствии становились студентами химического маго-факультета. Так что хулиганов станет меньше, а специалистов, искренне и беззаветно преданных науке – больше. Проверено годами.

– Это правильно, – одобрительно кивнула я.

– Так что всё с ними в порядке будет.

– Хвала небесам.

– Хвала, – откликнулся мой собеседник и предложил: – Давайте я вызову экипаж, и вас отвезут домой. К сожалению, я на службе и не могу проводить сам.

– Хорошо, – не стала спорить я. – Действительно, устала.

Мы стояли и молчали. Я жадно вдыхала горьковатый осенний воздух, такой вкусный после запаха госпиталя, про-

питанного антисептиком. Офицер молча смотрел на меня. Я поймала его взгляд и смутилась.

– Простите... – решился мужчина. – Могу я пригласить вас на ужин? Конечно, когда вы будете не заняты. И не так измучены.

– Спасибо. Но не стоит.

– Это связано с тем, что у вас кто-то есть? Или просто день тяжёлый?

– Характер тяжёлый, – улыбнулась я. – И день тоже...

Он улыбнулся в ответ, словно выяснил что-то для себя приятное.

Вскоре прибыл экипаж, но не наёмный, как я подумала, а личный, с гербом.

– Отдыхайте, уважаемая госпожа целительница, – подал мне руку офицер. – Было очень приятно познакомиться.

– И мне, – ответила я и сообщила вознице адрес.

Когда экипаж тронулся, я сразу закрыла глаза и, уже засыпая, поняла, что так и не спросила, как зовут молодого офицера.

– Госпожа целительница! Госпожа целительница! Прибыли!

Я вздрогнула и проснулась. Растёрла лицо руками, посмотрела на озадаченного возницу, чуть улыбнулась ему.

– Да... Я поняла.

Мне помогли выйти, и я побрела до дома, в котором вот уже целых шесть лет снимала флигелёк с отдельным входом.

С самого выпуска из академии.

Жить отдельно! Это такое удовольствие! Особенно после пятнадцати лет обучения – десяти в пансионе и пяти в академии, где в одной комнате живут шесть или восемь девочек. Одиночество – благо. Великое благо и невероятная роскошь. Можно просто посидеть у камина и, глядя на язычки пламени, задремать. Улечься на мохнатый ковёр и читать, не ожидая окрика воспитательницы, что лёжа читать нельзя, потому как вредно.

Гостиная с камином и кухня со столовой внизу. Спальня и кабинет наверху. А в мечтах – накопить денег и купить эту квартиру. Или какую-нибудь другую, похожую. Но обязательно с отдельным входом. Как здесь.

Открыла дверь. Скинула платок, вытащила шпильки из волос, потрясла головой – хорошо-то как! Стянула белый форменный передник, разулась и отправилась спать.

Проснулась ближе к полуночи. Поняла, что выспалась и хочу есть. Решила прогуляться. Неподалёку был круглосуточный ресторанчик – я его полюбила с тех пор, как заселилась сюда. Когда же я научусь связываться мысленно? Или хотя бы приобрету кулон связи? Первое у меня упорно не получалось – не было ни силы, ни умения. А кулон... Кулон и стоил безумно дорого, и связываться мне было особо не с кем. Разве что на дом еду заказывать. Но кулона нет, поэтому я пойду пешком, никуда не торопясь и получая удовольствие от прогулки. Сказано – сделано!

Оделась, весело сбежала по ступенькам на первый этаж.

Всё-таки сентябрь – мой любимый месяц. Со времён детства, которое я провела на юге империи. Лето – это что-то невыносимо жаркое. Ночи порой такие, что мы по очереди просыпались и обматывались влажными полотенцами, особенно в конце августа. А потом, как по волшебству, налетал ветерок. Сначала едва ощутимый, он с каждым часом становился сильнее. В воздухе разливался горьковатый аромат, и вместе с ним приходила долгожданная прохлада.

Возвращаясь с пакетами, наполненными любимыми лакомствами, я вспомнила про офицера, что приглашал меня на ужин. Хорош собой, молод. Судя по экипажу, даже титулован. И чего мне, любимой, спрашивается, надо? Даже имени его не узнала.

Тяжело вздохнула и посмотрела на золото фонарей в тёмном небе. Светящиеся шары, свободно летающие над головами прохожих, реагировали на звук и тепло. Если кто-то заходил в менее освещённое место, несколько золотых провожатых устремлялись за ним. Затем шарик-фонарик возвращался к остальным, на Снежный бульвар. Это очень красиво, особенно осенью, когда яркие сферы то тут, то там подсвечивают деревья, играя с листопадом в догонялки. Зимой освещение делается голубым, в тон поблёскивающим снежинкам.

Три шарика летели рядом, подслушивая мои размышления и посматривая с укоризной. Да... Талантом и работоспо-

собностью небеса меня благодетельствовали. А вот покладистостью характера, умением сойтись с людьми... Вот чего нет, того нет. Одиночество да интересная книжка – вот моё счастье...

Домой заходить не хотелось, поэтому я пристроилась на скамейке возле дома. Шарики стали чуть ярче, намекая, что разговор не окончен. Раскрыла сумку. Где мои дезинфицирующие салфетки? Записная книжка, документы, кошелёк, пара заряженных амулетов, позволяющих быстро остановить любое кровотечение – ни разу не приходилось пользоваться, но с первой стипендии купила один на всякий случай. Слабенький, правда. А уже с первой зарплаты врача – другой, самый мощный, что был в лавке.

И тут раздался резкий хлопок – кто-то открыл точку переноса. Я не успела ни удивиться, ни испугаться – прямо передо мной вывалилось окровавленное мужское тело. Шарики взмыли вверх и тут же опустились, став в несколько раз ярче, хотя в ладоши я хлопнуть не успела.

Рефлексы! Вот что самое главное в целителе. Я не поняла толком, что происходит, а уже, отбросив пакеты с едой, опустилась на колени перед раненым. Медленное-медленное движение моих рук от его макушки к пяткам. Мужчина, лет под сорок. Тяжёлый. Состояние критическое. Рванула чёрный сюртук, чтобы подобраться к телу. В руках оказались амулеты, один, помощнее, к пробитой печени. Другой к левому лёгкому – туда, похоже, били магией.

Так... Передать немного энергии, совсем чуть-чуть, не хватало, чтобы он от шока вскочил и побежал – видела такое. Или, перепутав меня с нападающим, не шандалахнул по мне чем-нибудь убийственным. Тоже бывает. Теперь самое сложное... Легонько коснуться разума:

– Надо встать, миленький. Надо встать. Я тебя по ступенькам не подниму.

– Целительница... – прошептал он.

– Да, я здесь. Всё будет хорошо. Вставай, миленький, вставай родной, – по чуть-чуть выдавая ему энергии, просила я. – Ты сильный, ты сможешь...

Так многие поколения целительниц поднимали воинов, чтобы вытащить их с поля боя. Главное, чтобы поднялся. Главное, чтобы распахнул глаза, сделал ещё один вздох и захотел жить так же сильно, как мы не хотели отдавать его смерти.

Мужчина поднялся. Распрямиться во весь рост я ему не позволила, закинув руку себе на плечо, подставившись, как костыль.

Я говорила, говорила и говорила записанные в подкорке слова заговора, сама между тем судорожно соображая, что делать.

Понятно, что счёт идёт на минуты и помощь я вызвать не успею. Вот-вот исчерпает ресурс амулет на лёгких, а я и не поняла толком, что с ними. И такая большая кровопотеря... Просто огромная...

Об этом я думала, пока втаскивала мужчину в дом, волокла его на кухню. Да здравствует современная мода – у меня посреди помещения, занимая практически всю площадь, стоял огромный стол-монстр, такая тумба два на полтора, набитая со всех четырёх сторон кухонной утварью, которой я практически никогда не пользовалась.

Сгрузив мужчину на стол, я судорожно захлопала руками, чтобы свет стал максимально ярким, открыла ящик с лекарствами, взяла бутылочку со стимулирующей настойкой – силы мне понадобятся, после суматошной ночи и подвигов в приённом покое я была выжата как лимон. Метнулась к стойке с разделочными ножами и кухонными ножницами. Бросила взгляд на часы – равнодушные ко всему цифры плыли в воздухе, ярко мигая на одном из шаров. Они отсчитывали неторопливые секунды, не подозревая, что складывают их в убийственные минуты.

Так. Разрезать одежду на мужчине. Сердце сжалось на мгновение – не поранить бы. Ножницы были обычные, кухонные, с острыми концами, не приспособленные для того, чтобы быстро и безопасно разрезать одежду на пострадавшем.

«Надо бы завести дома нормальные», – мелькнула мысль...

Двенадцать секунд.

Что у нас тут? Кинжал аккурат в печени, как я и предполагала. Удар практически неощутимый – жертва ничего не чув-

ствует, пока не истечёт кровью. «Четыре минуты – взрослый сильный мужчина». – У меня в ушах так явно зазвучали слова профессора, что я чуть не вздрогнула, а этого делать было никак нельзя. Я плела кружева заговоров, сращивая пробитую артерию, заживляя ткани печени и, миллиметр за миллиметром, вытаскивая из тела орудие убийства.

Семьдесят две секунды.

Раненый дышит. Прерывисто, едва слышно, но дышит. Сердце бьётся нервными затухающими скачками.

Глоток настойки – мне. Чуть-чуть силы в сердечную мышцу – ему.

Теперь лёгкие. Что там? Внешних повреждений нет. Положила ладони на левый бок – почувствовала, что туда ударили магией. Ударили с филигранной чёткостью, до миллиметра, и с нужной силой – разорвать вену и добиться того, чтобы человек захлебнулся собственной кровью. Судя по тому, как мужчина хрипел и булькал, крови в лёгких набралось немало.

Внезапно пришла злость. И стало чуть полегче.

Я взяла кинжал, который только что извлекла из печени, оглядела – яда нет. На миг задумалась – всё же он острее, чем мои кухонные ножи, примерилась и резким сильным ударом проделала отверстие между рёбрами. Расширителя и трубки не было, поэтому я чуть провернула лезвие и позвала кровь. Она покорилась и выплеснулась наружу.

Мне удалось! Мужчина задышал чуть ровнее. Я стала за-

живлять. И порванные внутри сосуды, и свой разрез.

Пятьдесят семь секунд.

Но оставалась проблема с огромной кровопотерей.

Я допила настойку, дала себе десять секунд на отдых. И выплеснула в мужчину остаток силы – всё, что было, приказывая оставшейся в организме жидкости воспроизвести клетку, себе подобную. Потом ещё по одной. И ещё...

С интересом посмотрела на голубые цифры часов. Шар сочувственно подлетел прямо к лицу, чтобы мне было удобнее смотреть. Странно ведут себя сегодня шары – как будто они всё понимают... а ведь этого... не... может... быть...

Перевела взгляд на раненого. Поняла, что он очнулся. И кулем сползла на пол.

Глава 4

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Он

– Скажи, зачем тебе это было надо? – равнодушно спросил великий князь Радомиров у своей бывшей любовницы.

Их милый, ни к чему не обязывающий роман закончился в тот момент, когда наскучил ему.

Случилось так, что несколько дней назад князь Андрей задержался на службе, доработавшись до звона в ушах. И на следующий день вдруг понял, что не хочет видеть эту, в общем-то, вполне прелестную балерину. Распорядился, чтобы его порученец составил барышне письмо с уведомлением о том, что в её услугах больше не нуждаются. Также приме императорского балета был передан чек на более чем приличную сумму, и князь выкинул эту историю из головы.

А сегодня этот самый порученец положил ему на стол газету. В которой великий князь Поморья Радомиров Андрей Николаевич был главным героем. Любовником.

Сначала он просто пожал плечами. А потом, когда был уже в своём дворце, понял, что там слишком пусто. И отправился к женщине. Поговорить.

Они сидели в креслах в будуаре дома, который он снимал для неё. Молчали. Князь вертел в руках газету с нашумев-

шим интервью.

«Правда о моём расставании с князем Р.», – гласил заголовок.

Дурочкой молоденькая балерина не была. Девушка пробивалась трудом и потом с самых низов, всеми силами сохраняя в своей воздушной жизни достоинство – хотя бы видимость его. И вот такого демарша от неё великий князь точно не ожидал.

– Зачем, Нина? – повторил он вопрос.

– Деньги, – спокойно, даже равнодушно отвечала prima-балерина императорского театра.

– Ты думаешь, я дал бы тебе меньше?

– Что вы, – в голосе всё-таки появился яд. – Щедрость вашего сиятельства... хорошо известна.

Андрей Николаевич улыбнулся. Вот знает, бестия, что больше всего в людях он ценит храбрость. Правда, ещё и преданность. Но произносить это слово при содержанке, которая ему наскучила, было попросту нелепо.

Он продолжал вопросительно смотреть на неё. Нина вздохнула, поднялась. Отошла к окну.

– Глупо, наверное... – тихо сказала она. – Но у нас всё было... как-то по-человечески. Не скажу – любовь. Это, конечно, сказки. А они хороши лишь на сцене. Но... вы были так... нежны. И относились ко мне... с уважением. Так было... До того самого письма, которое мне передали из вашей канцелярии.

– И вы оскорбились?!

– Да, – развернулась Нина и с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Ну что ж, – поднялся князь. – Думаю, что на этом всё. Дом останется за вами – я распорядился его выкупить. Желаю как можно лучше устроить свою жизнь.

– А газетчики меня пугали тем, что вы вышлете меня из столицы, – донеслось ему в спину.

Он только фыркнул.

– Вам просто всё безразлично! И... мне вас жаль. – Слова отразились от стен и растворились в воздухе облачком горьковатого аромата прекрасного, но ядовитого цветка.

Князь Андрей забрал фуражку с тростью у слуги и вышел, чувствуя, как прохладный сентябрьский ветер навевает ему мысли о свободе.

Он решил идти через парк. Во дворец, где обитал с самого рождения, но который со времени смерти родителей перестал быть домом, идти не хотелось. Хотелось уехать куда-нибудь с пустым блокнотом. И снова, как в юности, грифельным карандашом писать стихи, делать наброски, прятать между страниц красивые осенние листья...

Двух нападавших, что пытались убить его магией, он уничтожил, одновременно разорвав им сердца. А вот абсолютно не магический кинжал, направленный с истинно военной ловкостью ему в правый бок, пропустил. Позор!

Но печалиться тому, что на него нападают военные, кото-

рых он искренне и вполне справедливо считал своими, было некогда. Метнул сгусток энергии в сторону нападавшего, и по хрипу понял, что не промахнулся.

А через доли секунды, по тому, как его скрутило невыносимой болью, понял, что первые две атаки были лишь отвлекающим манёвром, и основной удар куда-то в область сердца он опять пропустил.

Ещё один вскрик. А кто сказал, что великий князь Радомиров лёгкая добыча? Что он вообще добыча?!..

Осознал, насколько всё плохо, только когда стал оседать в золото листвы. Да... Разрешил личные проблемы с бывшей любовницей, нечего сказать... И о стихах помечтал. Хотя бы успел – почти успел – наколдовать перемещение к ближайшей целительнице...

Потом были какие-то странные видения – наверное, от потери крови. Хорошенькая девушка в белом платке целительницы, приговаривающая над ним слово «миленький». Он всё хотел объяснить ей, что уж кем-кем, а вот миленьким – странновато и по старинке, девушки его ещё не называли. Даже такие очаровательные. И молоденькие... Но ему всё равно приятно. И он слушает этот голос, не позволяющий ему нырнуть в чуть мерцающую манящую тьму. Слушает, как девушка что-то приговаривает над ним.

Потом голос исчезает. Он понимает, насколько это неправильно. Тело начинает ломить, и с резким выдохом, отдающим острой болью в левом подреберье и в правом боку, муж-

чина приходит в себя.

Сразу вызывает подмогу, и в маленькой квартирке становится тесно.

– Убила бы! – заявила князю личная целительница, проводя руками над его многострадальным телом.

– Что с девушкой, Тамара Ильинична?

Он сфокусировал взгляд на белом пятне на полу. Понял, что это без чувств лежит его спасительница.

– Не думай даже! – прошипела целительница. – Никаких геройств! Лежи! Швы разойдутся.

Тамара Ильинична была приставлена к нему отцом ещё в раннем младенчестве. Дама уже тогда не молодая, отличалась скверным характером, крайней несдержанностью в речи и абсолютной преданностью. Преданностью роду Радомировых и лично князю Андрею.

Пока целительница бурчала, её руки летали над девушкой.

– Всё! – тяжело дыша, заявила Тамара Ильинична. – Жизни её и так ничего не угрожало, энергию я ей влила – дар не потеряет. Хотя мозгов бы ей ещё... С другой стороны, иначе тебя было не спасти.

И она внимательно посмотрела на питомца.

– У неё оригинальный способ плетения. Девочка талантливая, очень сильная. И самоотверженная. Тебе повезло сегодня, Андрей. Как никогда повезло.

– Почему она не приходит в себя?

– Исчерпала все ресурсы. Сейчас ей нужно спать. Я распоряджусь, чтобы её отнесли в спальню.

– Я сам! – рыкнул он. – Пусть никто не трогает!

– Тебе лежать надо! Швы разойдутся!

– Вот и придумай, как сделать, чтобы этого не случилось!

– Слушаюсь, великий князь Радомиров, – насмешливо протянула целительница, и он почувствовал тепло, которое струилось с её пальцев.

– И, кстати, надень ей это на руку.

И он подал целительнице браслет, стянутый с руки.

– Это же родовой артефакт энергии! – удивилась она.

– Я в курсе, – невозмутимо ответил князь. – А ещё я знаю, что если б не эта девочка, то меня бы с этим родовым артефактом и похоронили.

Он попытался встать – и у него даже получилось. Только было очень больно.

– Тамара Ильинична! – возмущённо выдохнул он. – А боль снять?

– Боль – это сигнал организма о том, что человек делает что-то не так. И человек должен прислушиваться к подобным сигналам. Нормальный человек!

Но он уже не слушал. Он склонился над бледненькой девочкой, которая его спасла. Из-под накрахмаленного платка выбилась прядь каштановых волос. Такими же блёклыми были брови и ресницы. Под закрытыми глазами залегли синие тени. Видимо, работала на износ, сутками. Чуть вздёрнутый

нос, тонкие сухие губы – ни кровинки. Веснушки. Ногти обстрижены под корень. Еле слышный запах какого-то лекарства – и никаких духов. Чем же она его так очаровывает? Что это с ним? Благодарность за спасение? Просто забота? Сердце защемило странной незнакомой нежностью.

Он вдруг ощутил, что вокруг очень-очень много народу. И начальник охраны, и следователи, и чиновник по личным поручениям. И все смотрят на то, как он разглядывает девушку, которая, кстати говоря, всё ещё лежит на полу.

Князь подхватил её на руки и понёс на второй этаж, где, скорее всего, была спальня. Понял вдруг, что девушка вся в крови. В его крови.

Развернулся.

– Пётр Петрович.

Начальник охраны подобрался.

– Распорядитесь, чтобы прочесали императорский парк – именно там было совершено нападение. Мне интересно, кто столь хорошо подготовился. И хотелось бы узнать, каким образом кто-то посторонний был в курсе моих передвижений по городу.

– Мне необходимо знать, – осторожно начал Пётр Петрович, – каким образом вы вообще оказались в императорском парке?

– Решил прогуляться после весьма неприятного разговора.

– Ваше сиятельство! – тихо и злобно сказал начальник

охраны, сверля взглядом брата императора. Тот невозмутимо стоял на первой ступеньке лестницы, прижимая к себе целительницу. – Давайте вы примете уже моё прошение об отставке. Оно у вас год как лежит. С того момента, как его величество распорядился, что у вас будет охрана, а вы решили, что вам это всё не надо.

– Кто мы, – меланхолично отозвался великий князь, – чтобы пренебрегать приказами его величества? Вы хорошо выполняете свою работу. На сегодня всё.

Следователи исчезли. Начальник охраны остался стоять, упрямо глядя на светлейшего князя.

– Все свободны. Я останусь здесь.

– Но покушение... – всё-таки возразил Пётр Петрович.

– Не повод изменять своим привычкам, – иронично ответил родственник императора. – Доставьте сюда новый артефакт энергии. Повторяю, все свободны!

* * *

Спасительница заворочалась и задела ему правый бок. Он тихонько зашипел и решил, что надо подниматься – не хватало ещё, чтобы девушка проснулась и перепугалась. Неизвестно кто, раненый, да ещё и в её кровати.

Остаток ночи он провёл беспокойно – и свежие раны болели, и дышала девушка настолько тихо, что время от времени он просыпался в страхе за неё. Лежал прислушиваясь

несколько долгих-долгих секунд. Потом склонялся над ней, словно самый нежный из любовников, улавливал беззвучное дыхание. И засыпал снова, успокоенный.

Проснулся окончательно уже ближе к обеду. Отправился в купальню. Конечно, он понимал, что комната, потолок которой покрывают водяные шары с горячей и холодной водой, мылом, пенками, шампунями и прочими прихотями, возможна лишь во дворцах. Но аскетизм квартиры молоденькой целительницы произвёл впечатление. Странно. Целительницы не бедствовали. Никогда. Молодая девушка как-никак...

Жители Поморья, а особенно представительницы прекрасного пола, были очень домовиты. На белоснежных накрахмаленных просторах скатертей и полотенец алели снегири и ягоды рябины. Мчались вдаль, не замечая снежной бури, стаи волков. Чем богаче и наряднее вышивка – тем лучше хозяйка.

Здесь же глазу зацепиться было не за что! Белые полотенца. Чистые, выглаженные, но не накрахмаленные. Точно такие же он видел в госпитале. Белые полотенца с вышитым в правом нижнем углу красной нитью гербом – волчица, кормящая своих щенков.

На этих полотенцах не было ничего. Такие продают под вышивку. Он задумался. У целительницы, конечно, времени на вышивку нет. Тем более у сильной и талантливой. Но ведь можно купить уже вышитые! Значит, это её выбор. Просто белый. Как в госпитале.

Размышляя таким образом, попытался вымыться. Было неудобно – места мало, кусочек мыла всё время выскакивал из рук. Шара с мылом или шампунем не нашлось вовсе, да и с водой их было только три. Какой-то никому не нужный, небом проклятый аскетизм! Неизвестно, по какой причине режим жесточайшей экономии – будто ни родственников, ни мужчин...

Хорошо, что одежду ему доставили ещё с вечера – личный секретарь работал, как обычно, безукоризненно.

Обыскал кухню – не нашёл ни джезвы, ни кофе. Поморщился. Распорядился, чтобы ему доставили всё необходимое. Вызвал целительницу. Пытаясь говорить тихо (получалось не очень, но он старался), попросил, чтобы она всё-таки сняла боль. Уверил, что уже понял, надо быть осторожнее. Отправил Тамару Ильиничну наверх, проверить, что там с девочкой, которая его спасла. И только потом приказал отчитаться следственной группе, работавшей по покушению. Следовательно по особым поручениям явился в тесную квартиру целительницы, которую великий князь Радомиров отчего-то произвёл в ранг своей штаб-квартиры.

– Кто? – только и спросил князь у следователя. Они с Сергеем Ивановичем Тюленевым уже много лет работали вместе и понимали друг друга с полуслова. А Радомирова сейчас интересовало только одно.

Сергей Иванович тяжело вздохнул, поморщился и нехотя ответил на вопрос о нападавших:

– Студенты. Один из академии наставников – факультет физической культуры. Второй – студент академии горных наук. И...

Сергей Иванович запнулся.

– Продолжайте, – приказал великий князь.

– Один из нападавших был военным.

– Это понятно. Кинжалы просто так не летают, – задумчиво проговорил Радомиров.

– Военная академия Поморья, – только и смог развести руками следователь, прекрасно понимая, как больно слышать князю Радомирову о том, что один из нападавших обучался в учебном заведении, которое Андрей Николаевич не просто курировал, а считал своей вотчиной.

– Кто четвёртый? – перевёл на него тяжёлый взгляд князь. – Их было четверо.

– Ушёл. – А вот за это следователю и всем оперативникам было стыдно. – Порталы перемещения строит мастерски.

– Радиус?

– Вынырнул через восемь километров от места покушения. Другой конец города. Затерялся.

– Вот объясните мне, Сергей Иванович, – князь Радомиров потёр правый бок, тот вдруг заныл, – зачем это им? Люди в стране живут. Не хуже и не лучше, чем везде. Воруют, конечно, у нас... Но это, боюсь, мало исправимо... А так любой может дослужиться до личного дворянства. Работать, правда, надо. Мы выстроили систему за годы после войны. И я

регулярно вижу подтверждения того, что она работает. Всеобщая грамотность, возможность обучаться в высших учебных заведениях представителям всех сословий.

Он обречённо махнул рукой:

– Так почему студенты? Зачем? Чего они хотят? Неужели истории, которая приключилась двадцать лет назад, не хватило? В один день убили императора с императрицей. Моего отца, начальника службы безопасности Поморья. И всё это ради свободы! И к чему это привело?

Князь Андрей говорил тихо, словно самому себе, не отрывая взгляда от камина:

– Молодые люди что, забыли о том, что сразу же началась гражданская война? И одновременно с ней интервенция в наши приграничные области. Они стараются не вспоминать, как подданных Поморской империи вырезали только для того, чтобы освободить территории?

– Ваше сиятельство... – попытался успокоить его следователь по особым поручениям, но ему это не удалось.

– Неужели студенты всерьёз считают, что тогда было лучше, что это и была свобода? А сейчас, когда сытость и защищённость – тирания?

– Дураки потому что, – проворчал Сергей Иванович. – В бою не были.

Но великий князь его просто не услышал:

– И потом... Ладно, я. Я цепной пёс, душитель свобод и много чего ещё. И в большинстве случаев, это правда. Но к

себе-то они так зачем? Им же жить и жить!

– Ваше сиятельство, Андрей Николаевич... Вы же понимаете, что ответов на эти вопросы нет. И не только у вас или у меня. Ответа на этот вопрос нет и у тех молодых людей, что пытаются вас убить. Я не беру во внимание лозунги, которыми они нас потчуют или восторженные речи о необходимости умереть за родину, лишь бы не оставлять её в руках самодура. Простите. Они не находятся под воздействием наркотиков. Они не агенты наших зарубежных коллег. Они не умственно отсталые. И они практически все из дворянского сословия.

– Да, Сергей Иванович, умеете вы утешить... А помните, после победы нам казалось, что всё самое страшное позади. Что мы сумеем всё наладить. Пусть вокруг разруха, но у нас всё получится...

– И всё ведь получилось.

– Только чувствую я себя детоубийцей, – едва слышно проговорил князь.

– Потому что вы, в отличие от этих поборников свободы – человек, – резко оборвал его следователь. – Пусть и наделённый властью. Вы умеете ценить жизнь, в том числе чужую. А эти дети – нет.

И следователь поспешил откланяться.

Сергей Иванович предпочитал видеть высокое начальство не сомневающимся в правильности своих поступков, в бодром состоянии духа. А подобные философские стра-

дания, несомненно, угнетали. Перед тем как воспользоваться порталом переноса – сегодня надо ещё слишком много успеть сделать, он оглянулся на великого князя Радомира. Тот сидел в кресле перед горящим камином. Нет, он не сгорбился, не опустил голову. Наверное, попросту не умел. Но от него веяло такой безысходностью, что следователю стало не по себе.

«Принести ему бутылку коньяку, что ли? Выпить в медицинских целях...»

Представив, как он это делает, Сергей Иванович вздохнул и вошёл в портал.

Сам он напился позже. Вусмерть. После разговора с родителями погибших студентов.

Глава 5

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Она

Как всё-таки хорошо выспаться! Я потянулась в кровати. Улыбнулась и пошла умываться. Это ж надо, какие интересные сны снятся с усталости! А мужчина, которого я спасала, был очень и очень симпатичный. Потрясающая фигура... А ресницы! Наверное, в реальной жизни он бы мне понравился. И, скорее всего, я бы бекала и мекала, если бы он со мной заговорил. А потом сказала бы какую-нибудь гадость и гордо удалилась. Чтобы потом пожалеть.

Я вышла из купальни. Отдельная купальня – целых три шара с водой, и все только мои! Роскошь, о которой можно только мечтать! Белые полотенца, как в госпитале. Вышитые я не любила. Они напоминали о доме, семье, маме... Это слишком больно. И потом, не вышитые стоили дешевле.

Вымылась, надела халат и натолкнулась взглядом на свою форменную одежду, покрытую бурой спёкшейся кровью. «Суточной давности», – машинально отметил мозг. Закрыла лицо руками от неожиданности.

Что-то скользнуло по запястью. Что-то, чего там ещё вчера не было. Синие, сложной огранки камни, вплетённые в кожаный шнур. Закрыла глаза, потянулась к нитям. Артефакт.

Очень мощный.

Я заметалась по ванной комнате, хлопнула дверью, метнулась в спальню, зацепилась бедром за угол стеклянного прикроватного столика, свалила стопку книг, зашипела от боли – и когда я научусь не натекаться на острые углы?

– Что случилось?! – Хлопнув дверью, в комнату вбежал мужчина, в котором я опознала вчерашнего спасённого.

Не сон...

Я завизжала.

– Да что случилось-то? – У мужчины, который, как я думала, мне только приснился, на лице было написано недоумение. – Вчера вы вели себя как-то тише.

Я от возмущения перестала издавать громкие звуки.

– Сейчас... полицию вызову! – пробекала-промекала я дрожащим голосом.

– Не надо, – попросил мужчина, делая шаг назад. – Вы меня спасли, потеряли сознание. Я остался, потому что беспокоился...

– Вы кто?

– Я... – Мужчина как-то нахмурился, потом довольно улыбнулся, словно ему в голову пришла какая-то хорошая идея. Улыбка сделала его моложе и приятнее. – Позвольте представиться – Мирон Андрей Николаевич. Я... полковник министерства безопасности Поморья. У меня даже документы есть. Хотите, покажу?

– Хочу, – злобно ответила я. Первый испуг прошёл, и зли-

лась я уже в основном на себя. Мужчина мне понравился – конечно, если общение перевести из моей спальни хотя бы в гостиную.

– А я еду приготовил, – как-то печально отозвался полковник министерства безопасности.

– Приготовили? – с подозрением посмотрела я на него. Господа такого ранга как-то не ассоциировались у меня с людьми, умеющими готовить.

– Вы меня раскусили, – с хитринкой посмотрел на меня мужчина, и я против воли улыбнулась в ответ. – Готовить я не умею. Я всё заказал. В ресторане. Всё, что мог представить себе вкусного. Да, не беспокойтесь, стол на кухне я отмыл от крови. Это уже сам, даю слово.

И было в его голосе столько гордости, словно он дракона победил, по меньшей мере.

– Вы присоединитесь ко мне за ужином? – тихонько попросил он.

– Ужином? – вскинула я на него глаза, потом вспомнила кровь суточной давности на моей одежде. – Сутки.

– Да, – кивнул мужчина. – Вы спали сутки. Я переживал. Даже целительницу вызывал, чтобы вас осмотрели. Но всё обошлось. Вам надо поесть.

– Хорошо, – почему-то согласилась я. – Только... переоденусь.

– Я подожду вас внизу.

Спустя несколько минут я спустилась на кухню. Стол, на

котором я вчера спасала моего неожиданного сотрапезника, был завален всяческими коробочками, пакетиками и свёрточками. Ещё присутствовал такой букет кремовых роз, что, приди мне в голову шальная мысль его поднять, я бы наверняка свалилась под тяжестью.

Я стояла и разглядывала цветы.

– Вы не любите розы? – тихонько спросил меня мужчина, столь же неуместный в моём доме, как и эти роскошные розы со стеблями почти метровой длины.

– Не представляю, в какую ёмкость их поставить, – пробормотала я, ощущая себя как-то глупо. – Такое количество...

– Да. Сто одна штука. А во что цветы ставят? – так же растерянно спросил меня мужчина.

– В вазочку. Хотя сто одну штуку... Не представляю.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. М-да... Два специалиста.

– За стол? – отсмеявшись, предложил мужчина.

– Идёт, – кивнула я.

Мне подали руку. Я подумала и вложила в его тёплую большую ладонь свою ладошку. Было непривычно, но очень приятно.

По запястью съехал артефакт, словно стремясь вернуться к хозяину.

– Да... – неловко обратилась я к мужчине. – Возьмите, пожалуйста. Похоже, он ваш.

И я сняла с руки браслет.

– Нет.

Мою руку мягко взяли в свою – на миг мне показалось, что он сейчас её поцелует. Но мужчина просто надел браслет обратно.

– Он очень дорогой, – решительно проговорила я.

– Не дороже жизни, вы не находите?

Я упрямо потупилась.

– Пожалуйста, не спорьте. И вообще, давайте ужинать. Кстати, из горячего есть мясо, рыба и птица. Я не знал, что вы любите, и заказал всего понемногу. Есть вино. Тоже разных сортов.

– Я не пью вино. Я целительница, – пробурчала я. Не то чтобы я была чем-то недовольна, просто смущалась отчаянно.

– Простите, не подумал, – расстроился он. – Я, кстати, съел ваш вчерашний ужин. Там было много чего с креветками. Я подумал и заказал салат с ними. Будете?

– Да, – оживилась я.

Стоило увидеть еду на тарелке, как я почувствовала дикий голод. И мне стало как-то не до светских бесед. Хотя какие светские беседы. Я их никогда не умела вести.

Подняла глаза. Первый раз внимательно посмотрела на мужчину, сидящего напротив меня. Не очень высокий, но гармонично сложенный. Крупные черты поморца, ранняя седина, голубые глаза, усы чуть скрывали красивые, чётко

очерченные полные губы. Длинные ресницы чуть дрогнули – я поняла, что он увидел, как его беззастенчиво рассматривают.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я. А что делать, надо же о чём-то разговаривать.

– Простите, а можно узнать, как вас зовут? Мне очень неловко. – Он широко улыбнулся.

– Ирина Алексеевна, – смутилась я от собственной невоспитанности.

– А меня – Андрей Николаевич. И благодаря вам я чувствую себя хорошо. Я вообще быстро восстанавливаюсь. Так что, если уж я сразу не погиб... – насмешливо начал он.

«Сожалею, но вся ваша семья погибла»...

В голове зазвенело.

– Ирина Алексеевна! – услышала я его слова. – Простите дурака...

– Ничего... Пройдёт.

Я решительно поднялась. Он тотчас же вскочил.

– Вам что-нибудь подать?

– Нет, – замотала я головой. – Да... Пить.

Он растерянно смотрел, как я открыла дверцу холодильника, нашла вишнёвый сок. Распечатала бутылочку и, демонстрируя полное отсутствие манер, выпила прямо из горлышка.

Потом достала ещё одну бутылочку. Посмотрела на мужчину.

– Простите, – тихо сказала я. – Наверное, это всё... лишнее.

И кивнула на заваленный стол.

– Вас тяготит моё общество?

– Не ваше конкретно. Меня тяготит любое общество. – И, не знаю почему, добавила: – Простите, Андрей Николаевич.

– Я только хотел отблагодарить.

– Не стоит. Не принимайте на свой счёт, но я умею общаться с людьми, пока я их лечу. Потом... не получается. Вообще не получается. И, пожалуйста, заберите ваш артефакт. Я не принимаю таких дорогих подарков. Вы ставите меня в неловкое положение.

Мужчина посмотрел на меня внимательно, коротко поклонился и направился к выходу.

– Артефакт, – напредила я.

– Нет, – ответил он уже с порога. – Кстати, там, на полке, где лекарства, несколько бутылочек с вашей настойкой.

Когда замок на двери едва слышно защёлкнулся, провожая незваного гостя, я вздрогнула.

Глава 6

Столица. Сентябрь. Чуть больше года назад. Он

– Значит, «умею общаться с людьми, только когда их лечу!» – ворчал князь, сотворив портал в министерство. – Нет, надо было ей сказать, что я спал в её постели, что сутки находился рядом...

«И успел навдумывать себе неизвестно чего», – пронеслась мысль.

– Ваше сиятельство! – метнулся ему навстречу порученец.

– Дмитрий Всеволодович, биографию Ирины Алексеевны. Как её фамилия, кстати говоря?

– Иевлева, – открыл папку порученец.

– Прелестно, – сквозь зубы отвечал родственник императора. – Имеет отношение к генералу Иевлеву?

– Дочь, ваше сиятельство! – бодро отрапортовал подчинённый.

– Замечательно, – поморщился он от неприязни к себе. – У девочки вся семья погибла. Поставьте к дому охрану.

Взял папку из рук опешившего порученца и направился к себе в кабинет.

«Если б там ещё было написано, чем ей розы не угодили... А ещё лучше, какие цветы она любит. Чем её можно пора-

довать?»

– Так, что там у нас? – продолжил разговор сам с собой князь. – Ирина Алексеевна Иевлева. Двадцать шесть лет. Целитель. Так. С пяти лет обучалась в пансионе для целительниц... Золотая медаль. Ага. С пятнадцати лет факультет целительства столичной академии. Красный диплом – кто бы сомневался. Сирота. Вся семья погибла в Мирополе. Сначала мать с сестрой, потом и отец. Девочка осталась жива, потому что на тот момент находилась в пансионе при академии целительства в столице.

Вспомнил её растерянный взгляд, каким она обвела заставленный стол, её небольшую чистенькую квартирку, и даже не стал читать психопрофиль – на целительниц, как на военнообязанных, он тоже составлялся. Князь попросту понял, что там прочтёт: «Независима, упряма, некоммуникабельна со всеми, исключая пациентов. Связей нет».

– И какие цветы дарят девушке, которая никого к себе не подпускает?

Он помолчал, подумал, вспомнил о делах насущных:

– Начальников отделов ко мне на доклад. И как только у Сергея Ивановича будут какие-нибудь новости по покушению – тоже ко мне.

* * *

В министерстве безопасности Поморья под командовани-

ем великого князя Радомирова было пять отделов. Первый – внешней разведки, второй – борьбы с врагами внутри государства, третий – пропаганды, четвёртый – экономический, и пятый – охрана первых лиц государства.

Начальники отделов были в печали. Можно сказать, в тоске. Покушений такого масштаба давно уже не было. И как-то все привыкли к мысли, что военного положения, как в годы Чёрной войны и первые пять лет после неё, тоже не будет. Тяжело ведь жить всё время в состоянии боевой готовности, постоянно ожидая нападения. Расслабились. Размечтались. А вон как вынесло...

– Итак, господа, – обвёл тяжёлым взглядом князь Радомиров всех присутствующих. – Мне вот интересно, где несчастные мальчишки могли встретиться с тем или с теми, кому они помогали убивать меня? В Поморской научной библиотеке? И почему для покушения на меня опять завербовали студентов?

Он злобно скривился и заговорил снова:

– Вам не кажется, что у правящего рода не складывается общение со студенчеством? Двадцать лет назад они уже участвовали в убийстве императора и императрицы. А также князя и княгини Радомировых, обставив всё таким образом, что в один день погибли и мои родители, и родители наследника!

Начальники отделов переглянулись. Все понимали, что да, виноваты. Прошляпили. И что оправдания им нет.

– И почему в министерстве безопасности Поморья никто знать ничего не знает о том, что студенты вернулись к прежним развлечениям?

– Мы готовы подать прошение об отставке, – тяжело вздохнул самый пожилой из них, командовавший внешней разведкой ещё при покойном императоре. – Этому нет оправдания.

– Не смешите меня, – оборвал его Радомиров. – Вы, значит, в отставку, в поместье, к внукам, а я это всё буду сам расхлёбывать? И узнавать у ваших агентов, есть ли внешний след? И искать потоки денежных средств, потому что за меня явно кому-то заплатили? И всё это я буду делать лично?!

Недобрый взгляд в сторону начальника отдела экономики:

– И вообще, я отвлёк вас от важных, – это было сказано с иронией, – дел лишь для того, чтобы прояснить свою позицию по данному вопросу. Никаких отставок. Никаких истерик. Никаких интриг между отделами!

И он внимательно посмотрел на руководителей отделов по работе с внутренними врагами и охраны первых лиц. На протяжении этого года они упорно интриговали друг против друга. Все знали, что Андрей Николаевич не выносит идеи личной охраны, и начальники отделов считали необходимым демонстрировать охранникам своё «фи». Особенно старались специалисты из отдела по работе с внутренними врагами. Охранники, будучи людьми злопамятными, а мага-

ми сильными, в долгу не оставались. Вот так все друг друга и развлекали. Время-то мирное... Делать-то нечего... Вот и допрыгались.

– Ваше сиятельство! – заговорил начальник отдела пропаганды.

– Просто найдите того, кто это сделал, – прервал великий князь говорящего. – Свободны!

* * *

Князь Радомиров подошёл к окну и посмотрел на золотистый отблеск фонарей в бархатно-чёрной реке.

– Осень, – тихо проговорил он. – Когда-то у меня осенью стихи писались лучше даже, чем весной.

– А коньяк тебе лучше было пить в какое время года? Осенью или весной? – раздался у него за спиной знакомый голос.

– Коньяк круглогодично, – с ноткой грусти отозвался князь. – Мне сейчас действительно не помешает напиться. Может, я что и пойму в этой жизни.

– Андрей Николаевич, что за похоронное настроение? – удивился его собеседник. – Живой же!

– Не знаю, Семён Семёнович, – обратился князь к старому сослуживцу и своему другу, – не знаю. Как-то всё бессмысленно...

– Налито, – откликнулся на его философскую сентенцию друг.

Князь Радомиров подошёл к огромному столу для совещаний. Взял бокал и молча выпил.

– Вот и хорошо. Вот и ладушки, – неизвестно чему обрадовался Семён Семёнович, наливая ещё по одной. – А теперь ещё раз. И уже с положенным тостом.

– Будем жить! – тостом, положенным на фронте, отозвался сослуживец.

Третьим они помянули всех, кто не дожил. А там и бутылка закончилась.

Князь Радомиров вызвал ординарца, распорядился подать ещё коньяка.

– Кстати, ты ужинал? – спросил его Семён Семёнович.

– О... – язвительно отозвался князь. – Я сегодня почти обедал. Мне хватило.

– Понятно, – протянул его друг. – И кто она? Балерина? Актриса? Слушай, а вот почему ты с оперными певицами любовных связей не заводишь? Они очень даже ничего. С формами! А у балерин плохой характер. От голода...

– Это не актриса и не балерина. Всё гораздо хуже...

Они подождали, пока постучавшийся ординарец войдёт и оставит коньяк. Семён Семёнович распорядился подать также и ужин.

– Хуже? Насколько?

– Она целительница. И ей не понравились розы, – печально сказал Радомиров.

– Может, ландыши? – едва слышно сказал его друг. – Лена

их любила...

Князь Радомирлов внимательно посмотрел на генерала Макарова.

Война... Время, когда кожей чувствуешь каждое мгновение прожитой жизни. Когда сходишь с ума от простых, казалось бы, вещей просто потому, что знаешь – может быть, уже завтра от всего этого не останется даже воспоминаний. От куска хлеба, от рассвета, до которого всё-таки дожили, от глотка свежего воздуха. От близости с женщиной. От любви, которая случилась так не вовремя. Семён Семёнович Макаров, тогда ещё не генерал вовсе... И Елена. Его Лена. Макаров, так и не узнавший в ту безумную весну, кто она такая. Только то, что Лена любила ландыши и его, Семёна.

Её гибель, такая нелепая... Сколько лет прошло, а боль не оставляет.

– Всё пьёте? – раздался с порога негодующий бас.

Генерал Макаров и великий князь Радомирлов вытянулись по стойке смирно – их посетил император. Да ещё и в сопровождении военного министра, графа Морозова.

Граф, старинный приятель ещё покойных императора и императрицы, насмешливо посмотрел на смежников.

– Я вот не понимаю... – гневался повелитель. – Вот почему вы пьёте на рабочем месте? Что за безобразие? Что за вопиющее нарушение? Почему меня не позвали? Какое имели право обойти уважаемого Павла Афанасьевича!

И император кивнул на своего спутника, который, уже не

сдерживаясь, улыбался, благо за густыми усами и роскошной седой бородой заметно этого практически не было.

– Простите, ваше величество, – протянул генерал Макаров. – Мы не осмелились беспокоить...

– Вы даже не вспомнили про нас, – пробурчал император. – Вот как что-то надо вашему драгоценному министерству, так от вас не отобьёшься. А как водки выпить... Или что там у вас?

Отправили ординарца ещё за одной бутылкой. Император величественно затребовал себе нарезанного лимончика к коньячку. И они продолжили, уже вчетвером.

* * *

Князь Андрей несколько раз прокручивал в голове варианты встречи с целительницей. Но не ожидал, что она смущённо улыбнётся и проговорит:

– Как хорошо, что вы пришли, Андрей Николаевич. Я вчера вам нагрубила и переживала всю ночь. Простите меня.

В воскресный день, видимо, в честь выходного, одета она была не в белое, каштановые волосы заплетены в две косы, а не стянуты шпильками на затылке.

Князь вспомнил, как ночью вытаскивал шпильки из её волос – ему почему-то показалось, что ей сразу станет легче, когда он это делает...

– Я принёс вам ландыши, – ответил он невпопад.

Её хорошенькое личико осветилось такой радостью, что ему пришлось призвать на помощь всё своё самообладание и здравый смысл заодно, чтобы не обнять её прямо здесь, на пороге.

Глава 7

Столица. Чуть больше года назад. Сентябрь. Она

Я так обрадовалась тому, что обнаружила Андрея Николаевича у себя на пороге, что даже забыла задуматься, откуда эта радость.

– Могу я пригласить вас на обед? – спросил он.

– Хорошо. – Улыбка так и не желала уступать место моей обычной сдержанности. А ещё эти ландыши... Крохотные белоснежные колокольчики. Может, это их беззвучный перезвон меня околдовал? Я ведь не хочу, а улыбаюсь...

Я закрыла глаза, чтобы ещё острее ощутить аромат.

– Это просто чудо какое-то! Где вы их раздобыли?

– Ох... – вздохнул он как-то печально. – Хотел бы я ответить, что исключительно подвигом. Но это будет неправда. – Он говорил серьёзно, но в голубых глазах резвились смешинки.

– А как же? – Я не могла отвести взгляда.

– Тиранией своего отдела. Мне раздобыли корневища и всю ночь пытались вырастить ландыши. Я вспомнил всё, что проходят в школе по ботанике.

– Про то, как заколдовать воду для полива растений? Я тоже это помню! Даже картинку из учебника. Спасибо, – ти-

хо сказала я.

– Обед, – напомнили мне.

Я взяла жакет, надела небольшую шляпку – модную, даже с вуалью, закрыла дом.

– Я могу взять вас за руку? Просто мне хочется пообедать в моём любимом месте, а это далеко. Не в столице. Туда надо выстроить портал.

– Хорошо. – Я протянула ему руку.

Раздался хлопок.

Я открыла глаза. Перед нами была серая громадина старинной крепости, похожая на свернувшегося в кольцо огромного дракона. Круглые башни гордо возносились в прозрачное небо. Солнце чуть золотило листья деревьев, что росли вокруг.

– Вам здесь нравится? – осторожно спросил Андрей Николаевич.

– Очень красиво, – выдохнула я. – Это которая из северных крепостей?

– Это Борск.

– А можно забраться на башню? – жадно оглядывая окрестности, спросила я.

– Конечно, – улыбнулся он.

– Всегда хотела путешествовать... – мечтательно проговорила я, когда мы уже забрались на самый верх по лестнице, что вилась дымом, огибая башню по кругу. Я смотрела, стараясь запомнить то, что вижу, навсегда – зеленеющие по-

ля, золотой лес, синее-синее озеро неподалёку. Ощущение свободы. Небо, которое внезапно стало так близко и которое принадлежало нам одним.

Мы долго стояли молча, закутавшись в безмолвие, как в тёплое одеяло. Счастливые от того, что были здесь одни. Как дети, которые нашли что-то интересное, и теперь у них был свой секрет. Своя тайна.

– Я здесь бываю время от времени. Забираюсь на эту башню. И думаю... – вздохнул Андрей Николаевич.

– О чём? – не отрывая взгляда от головокружительной перспективы, спросила я.

– Как правило, что было бы, если... – не очень понятно ответил он. Но я не стала уточнять. Со мной поделились секретом, мне доверили тайну – этого было достаточно.

– Хорошее место. Очень.

– Сюда хорошо приезжать весной, когда прилетают лебеди. Тогда я впервые здесь побывал. Всё других цветов. И вода, и небо, и зелень... Только камни такие же, серые.

Я молчала и думала о том, как ненавижу весну. Весной мне сообщили, что теперь я одна на всём белом свете. Весна унесла с собой всех, кого я любила. Сделав над собой усилие, глубоко вдохнула сладкий весенний воздух и крепче прижала к себе маленький букетик – белый флажок примирения...

После того воскресенья мы стали встречаться. Не так часто, как хотелось. У меня было много работы. Да и у него, как я понимаю, не меньше. Одно было неизменным – он встре-

чал меня после каждого дежурства. И провожал домой. Вечером, правда, не всегда. Как получалось... А вот утром, когда я выходила из госпиталя – иногда бодрая, подрагивая от щедро разлитого по венам адреналина, иногда неживая, подрёмывая от усталости... Он ждал меня на противоположной от госпиталя стороне проспекта.

Мы много говорили по кулону-переговорнику. Он мне его вручил через несколько дней знакомства. В этом случае я столкнулась с потрясающим упрямством. Как ни пыталась ему объяснить, что он ставит меня в неловкое положение, что я не могу принимать такие дорогие подарки – всё было бесполезно. Как и в случае с артефактом. Он согласно кивал в ответ на мои слова возмущения. А потом я обнаружила кулон на столике в прихожей. Андрей Николаевич же связался со мной как ни в чём не бывало...

В следующие выходные он пришёл и предложил отправиться на юг.

– Вы видели водопады в ущелье Фа-Го? – спросил он.

И я радостно закивала:

– Отец возил нас туда – мы жили неподалёку. С детства их люблю!

– Отправляемся? – протянул он руку.

На юге империи было ещё совсем тепло, как будто и не осень. Мы любовались звенящим водопадом в горах – огромный камень, чем-то похожий на сердце, омывали струи воды и падали в пропасть.

– А вы помните сказку о том, что этот камень – сердце колдуна? – спросила я Андрея Николаевича.

Полковник насмешливо фыркнул. В романтические сказки, как я поняла, он не верил. А я вот их любила. И поэтому сказала улыбаясь:

– Вот зря вы так! Местные жители помнят легенду о могущественном колдуне. Он полюбил красавицу. Но девушка не ответила взаимностью и погибла при очередной попытке сбежать от него. Тогда колдун превратился в этот камень.

– Девушек ему по округе было мало, что ли? – проворчал Андрей Николаевич.

– Значит, она была той самой, единственной, – тихо сказала я. – Мне всегда было жаль колдуна.

– Он глупец.

– Он полюбил. И не смог отпустить. И пережил такую муку – узнал, что из-за его чувств погиб человек. Любимая... Андрей Николаевич зафыркал, пытаясь сдержать смех.

– Вы не пробовали писать сказки? Про магические миры, которые столь популярны среди молодёжи последнее время?

– Я их не пишу! – Возмущению моему не было предела. – Я их читаю. И очень-очень люблю!

– Простите. – Он уже смеялся в открытую. – Вы такая серьёзная. Такая...

И он с такой нежностью посмотрел на меня, что злиться на него было невозможно.

А через неделю мы отправились на север, на спящее подо

льдом озера Зоркое – самое большое на нашем континенте.

– Вам не холодно? – обеспокоенно спрашивал он. Я только отрицательно качала головой. Ко мне он пришёл с таким количеством меховой одежды, что сейчас, надев её, я ощущала себя укуленным тюленем.

Солнечный день, сверкающие ледяные глыбы... Мороз.

– Вы знаете, – хитро улыбнулся он мне, – в этих краях тоже есть легенда...

– И о чём она? – замерла я в нетерпении.

– Всё не так мрачно. Здесь красавица-река убегала от сурового отца к любимому.

– И ей это удалось?

– Нет. С тех пор две реки обречены вечно убегать друг от друга. Легенда объясняет тот удивительный факт, что озеро обладает двумя круговыми течениями, которые движутся в разные стороны. Именно здесь добывают структурный лёд.

В тот день мы обгорели – на лице остались не пострадавшими лишь светлые пятна от очков, спасающих глаза от солнца. Мы всё-таки догадались их нацепить. Андрея Николаевича я вылечила быстро, а вот себя тяжело. На следующий день пришлось обращаться к дежурной.

Вот так в моей жизни появился ещё кто-то. Кто-то, с кем я чувствовала себя счастливой...

Меня поражало, с какой лёгкостью он строил для нас порталы. Андрей Николаевич слышал, должно быть, мои тихие слова о том, что я всегда мечтала путешествовать. И во-

площадь мою мечту в жизнь. Это было так тепло, волшебное, непривычно... Кто-то что-то делал для меня. Для меня одной! Кому-то каждый день было не всё равно, как я его прожила.

Я доверяла выбор маршрутов ему. Попросила только однажды – мне нестерпимо захотелось побывать в Мирограде, самом восточном городе Поморья. Городе, обороной которого командовал мой отец. Где погибла вся моя семья.

Судьбе было угодно, чтобы я осталась в живых. Я никогда при жизни моих не была в Мирограде. Отца перевели туда перед самой войной с юга Поморья, где прошло моё детство. Пока генерал Иевлев перебирался на новое место службы, мама с сестрой поехали в столицу, проведать меня в пансионе.

– Как ты, солнышко? – всё спрашивала мама, что печалилась от разлуки больше меня самой. Она держала меня за руки и всё заглядывала в глаза. Я же была настолько под впечатлением от того, что магия целительниц мне подчиняется, настолько увлечена собой, что просто отмахнулась...

Как я? Замечательно! У меня же всё получалось. Я почти умею лечить. И почти полноправная целительница!

Мама и сестра уехали к отцу, договорившись с начальницей пансиона, что заберут меня на зимних каникулах и будут навещать как можно чаще.

И всё... Дальше была только война.

Для меня навсегда останется загадкой, почему отец не

смог эвакуировать маму и сестру. Хотя общественными порталами пользоваться было невозможно – транспортная система рухнула – интервенты озаботились. А ехать через всю страну, охваченную смутой...

Так что... Я была в Миргороде один раз, на открытии памятника отцу. И вдруг захотелось увидеть город таким, каким они видели его до войны – океан, накатывающий на набережную, улыбающиеся люди. Ветер приносит звуки духового оркестра – играют модный вальс.

Я закрываю глаза. Мне кажется, ещё немного, и я увижу маму. Сестру с её всегда идеально уложенными локонами. Отца. Его фигуру с безупречной выправкой...

Сцепила руки – не плакать. Почувствовала спиной, как Андрей Николаевич сделал полшага ко мне и замер, почти касаясь.

– Подумайте о том, что часть их всегда с вами, – едва слышно сказал он мне на ухо. – Они радуются вашему счастью. Огорчаются вашим слезам. Они с вами – почувствуйте их. Это такое горькое... утешение. Но это единственное, что у нас с вами есть.

И я растворилась в этом городе. Я поверила, что мои рядом. Я танцевала вальс с Андреем Николаевичем. Потом мы ужинали в ресторанчике «Дары океана». Я смеялась. И они... Они были рядом – я их чувствовала! Они были счастливы за нас.

Осень пролетела незаметно, и белоснежная зима торже-

ственно вступала в свои права. На каникулы Андрей Николаевич убывал в командировку, на все праздники – он недовольно морщился, сообщая мне об этом.

Я огорчилась, но постаралась не подать виду. Отправилась к заведующей и собрала себе все возможные и невозможные дежурства на праздники. А что? У меня всё равно эти дни свободны – зачем людям, у кого есть с кем праздновать, портить настроение?

Глава 8

Столица. Почти год назад. Январь. Он

Великий князь Радомиров Андрей Николаевич наблюдал за яркими парами, порхающими под звуки вальса.

Снежный бал! Снежный бал! Снежный бал во дворце! Всё блестит, всё сияет, мерцает, горит, переливается...

Он смотрел вокруг и думал только об одном: понравилось бы ей всё это? Наверное, да. Еловые гирлянды, украшенные вырезанными из искусственного льда зачарованными мерцающими снежинками, создавали сказочное настроение. Снегири на них сидели не настоящие, всего лишь трёхмерная иллюзия, сделанная лучшими магами. Настоящие птицы могли испортить дамам платья. Но его целительница наверняка бы поверила! Вряд ли она когда-нибудь видела трёхмерные иллюзии. А вот хвойный аромат был настоящим. Ей наверняка бы понравилось, как и белоснежные волки, запряжённые в сани для катаний по шесть, а то и по восемь в упряжке. Ради увеселительных прогулок их специально пригласили. И цыган выписали. Интересно, ей бы понравились цыгане?

Он вспомнил, как сказал Ире, что убывает в командировку. В позолоченной массивной раме огромного зеркала гримасой боли исказилось его собственное бледное лицо. При-

шлось сосредоточиться на том, чтобы сжавшиеся пальцы не переломили тонкую ножку бокала с шампанским.

Он солгал.

Конечно, великий князь понимал, что это всё – его обязанность, как родственника императора. Но видеть всех этих людей было как-то особенно невыносимо. Он не любил придворных, считая их бездельниками и нахлебниками. Они же не любили его, считая грубияном и самодуром.

Этот вечер и эту ночь ему хотелось провести с Ирой.

Ира... Моя гордая и нежная девочка... Что же нам с тобой делать?

Она с такой радостью улыбалась, когда его видела, что великий князь по-чёрному завидовал Минову Андрею Николаевичу, которого сам же и выдумал. Если бы он был этим персонажем... Как бы всё было просто. У него уже была бы невеста. Месяц – и жена...

Как совместить эту девочку с высшим светом? С лицемерием и ненавистью, которыми она будет встречена? С его настоящей жизнью? С его ложью о том, кто он есть? Как совместить эти две разные плоскости бытия? Два противоположных течения озера Зоркого?

Если бы можно было оставить всё как есть...

– А не выпить ли нам по коньяку? – обратился к нему старый друг покойного родителя, граф Морозов, военный министр. – В конце концов, мы с вами лица высокопоставленные и не обязаны терпеть эту шипучку.

Князь Радомиров посмотрел на него с благодарностью. Вот это человек, настоящий военный! Понимает.

Как по волшебству появились бокалы с правильным напитком. И они поспешили отойти в угол бальной залы, чтобы постараться найти в этом вечере хоть что-то хорошее.

– Трезвым терпеть всё это увеселение было бы невыносимо, – пожаловался ему военный министр. – К тому же хочется залить уши воском, чтобы не слышать весь этот бессмысленный треск, который здешние люди считают разговорами.

Музыка на мгновение стихла, и до них долетели слова:

– Посмотрите, как князь Варейский смотрит на графиню Дубовицкую...

– Его что, вернули ко двору?

– Да, бедный мальчик пострадал – кто же знал, что глупышка, которую он похитил, не понимает, что такое романтика и хороший тон?

– Да, жаловаться великому князю – это просто бестактно! Военные скривились одновременно.

– Зачем вы позволили этому юноше возвратиться в свиту наследника? – Небрежный кивок военного министра в сторону молодого князя Варейского, который кружил в вальсе очаровательную графиню. – Не думаю, что он может оказать благотворное влияние на Александра Александровича.

– Приказ императора.

Великий князь допил коньяк. И кивнул, подзывая слугу.

– Будь моя воля, никто бы из этих бездельников и близко

не подошёл бы к наследнику, – проворчал граф Морозов. – Один – поэт. Восторженный мистик! Кто знает, какие у него мысли в голове!

– Молодой Соколов! – рассмеялся князь Андрей. – На мой взгляд, он самый безвредный из всех. И, кстати, очень талантливый.

– Как маг – пустышка.

– Не соглашусь. Он слабее, чем наследник или Алсапов, но, однако, сильнее, чем многие мои или ваши офицеры.

– Алсапов, – недовольно покачал головой военный министр. – По-моему, верить этому роду – дурной тон.

– Однако Радомировы верят им уже несколько сотен лет. И пока не обманулись.

Подошедший слуга налил им ещё коньяку, и вельможи продолжили разговор.

– А что вы скажете про Волкова? – усмехнулся в густые усы граф Морозов.

– Увы... – развёл руками князь. – К сожалению, ничего хорошего. У него последнее предупреждение от государя императора. Ещё одна попойка с дебошем, и он будет отлучён от двора. В прошлый раз только моё заступничество, каюсь, помогло ему этого избежать.

– Все знают, что вы с его отцом большие приятели.

Князь Андрей кивнул.

– Эх... Вот вы с его величеством в их возрасте... – проворчал военный министр.

– Под вашим руководством войну выигрывали, – поддержал его великий князь, чувствуя себя просто старым.

– Хоть при деле были, – усмехнулся Морозов.

– М-да... Кстати. – Андрей Николаевич вспомнил, что так и не обговорил с военным министром вопрос, который его волновал. – Надо усилить работу с кадетами в военных академиях. Как-то молодые люди разболтались.

– Если вы о покушении, то мы провели тщательную проверку.

– И что она дала?

Граф поморщился:

– Они совсем не понимают слов «завтра» и «будущее». Усмехаются, когда им говорят, что они испортят себе жизнь. Отеческие наставления вызывают лишь насмешку. А физические наказания отменили!

– Понятно, – кивнул великий князь.

– Увеличим нагрузку, чтобы некогда было думы разные выдумывать. Так же посоветуем поступить в гражданских учебных заведениях.

Музыка опять стихла, и до них снова донеслось щебетание придворных:

– Вы знаете, – радостно говорила молоденькая фрейлина из новеньких, – а над женой генерала Лютаева мы всё-таки подшутили!

– И как, розыгрыш удался? – спросила у неё графиня Снегирёва.

– Шутите? Когда он получил грамоту величайшего рогоносца, да ещё и с намёком, чьей любовницей является его обожаемая супруга, то был вне себя...

– А она что... правда с императором?

– Нет, конечно. Она столь провинциальна, что любит своего мужа.

Счастливый, нежный, звонкий смех утонул в беззаботной музыке. И снова закружились пары – юбки, туфельки, причёски, мундиры, усы, бакенбарды, перчатки, эполеты, веера. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз...

– Вы знаете, что мой подчинённый подал рапорт и отбыл в своё поместье? – негромко сказал граф Морозов. – Вот, значит, кому я обязан тому, что толковый человек покинул свой пост.

– Надеюсь, он не поверил во весь этот бред, – тихо сказал князь Радомиров, который был самой первой жертвой подобных увеселений.

– Не знаю, как к студентам, – прорычал военный министр, – а вот к этим бездельникам я бы метод физического воздействия применил!

Великий князь лишь пожал плечами.

Идею подобных розыгрышей подала императрица. Собственной персоной. И для своего первого развлечения она выбрала его, великого князя Радомирова, двоюродного брата её мужа. До этого он относился к её величеству безучастно, хотя и с некоей долей уважения. Но однажды, года три

назад, к нему в кабинет в министерстве явилась смущённая и негодующая девица из новых придворных дам её величества. Кстати говоря, девица эта ему как раз нравилась. Она общалась со всеми, умудряясь глупо не хихикать.

И в тот раз она не хихикала. Она была в странном настроении – смеси негодования и смущения. Добилась приёма. Кинула ему на стол официальный бланк министерства.

– И что это значит? – прошипела она.

Князь с интересом взял бумагу и прочитал. Приказ фрейлине её величества, урождённой княжне Льдовой, приступить к обязанностям любовницы великого князя Радомирова.

Он поднял глаза. Его недоумённый взгляд столкнулся с её возмущённым.

– Какая гадость, – неторопливо протянул он. – Надеюсь, вы не решили, что я имею к этому хоть какое-то отношение? Девица потупилась.

– Единственное, что мне интересно – как эти... шутники раздобыли мой незаполненный министерский бланк.

Потом они с княжной Льдовой и её женихом – пришлось и его посвящать в интригу, – затеяли целое расследование.

– Зачем? – спросил он у императрицы, когда всё узнал. Придворные, которые в этом участвовали, были уже отлучены от двора.

– Скучно, – отвечала она ему.

Ей было скучно. А идиотская идея прижилась.

Он дёрнул щекой, представляя в роли жертвы розыгрыша Иру. Или себя в роли генерала, получившего письмо об измене.

И вот что ему теперь делать? Он привязался. Он, надо наконец признаться самому себе, полюбил.

Соблазнить её и сделать своей любовницей не позволяла совесть. Женой... Да, женой великого князя Радомирора – наверное, здравый смысл. И любовь к ней.

Самое мудрое, что он мог сделать – это оставить девочку в покое.

Тут он представил, что не подойдёт к ней больше, не заговорит. Что в её серых глазах поселится тоска. Или ненависть к нему, если обставить прощание как положено, с привлечением его как бы новой пассивности.

– Прошу прощения, ваша светлость, – обратился он к графу Морозову, который тоже задумался о чём-то своём. – Но мне придётся вас покинуть.

И князь Радомирор сбежал с бала. Ничего, несколько часов они тут точно без него обойдутся. В свой дворец, переодеться – он же не сможет появиться перед ней в белоснежной парадной форме с золотыми аксельбантами и россыпью орденов. Придётся переодевать. А ещё надо отнести поесть – наверняка она забыла.

Так он и появился в госпитале – в обычном чёрном кителе без знаков отличия и с корзинкой, полной еды.

– Чем мы можем вам помочь? – привстала навстречу це-

лительница, увидев форму. – У вас что-то случилось?

– Понимаете, – обратился он к ней, – я бы хотел увидеть Ирину Алексеевну Иевлеву. Она сегодня дежурит.

– Вам её вызвать?

– Не нужно. Я не болен. Просто осенью... Она мне спасла жизнь. Я бы хотел поздравить её с праздником.

– Вообще-то не положено.

– Пожалуйста.

– Ладно, проходите, – во взгляде читалось и одобрение, и интерес, – только тихонько. Вас проводить?

– Я знаю, куда идти, – отрицательно покачал он головой. Действительно, сразу как узнал, где работает Ира, тщательно изучил план здания. Пути подхода, отхода. Эвакуации... И, где находится ординаторская отделения травматологии, ему тоже было известно.

Он тихонько постучал.

– Открыто, – раздался её голос.

– Ирина Алексеевна! Добрый вечер.

На мгновение ему показалось, что она бросится ему в объятия. Но Ира смешалась, остановилась. Завела руки себе за спину, словно опасалась, что они ей не подчинятся. Только глаза горели таким счастьем...

– Как вы? Откуда вы?

– Сбежал, – признался он. – Буквально на час. Решил вас поздравить. И покормить заодно.

– Я скучала, – призналась она.

– Я тоже, – вздохнул он. – Ужинать?

Быстро распаковали корзинку, достали всё. Он разлил по бокалам её любимый вишнёвый сок.

– С праздником.

– У меня есть для вас подарок.

– Странное совпадение, – улыбнулся он. – У меня для вас тоже.

Глава 9

Столица. Почти год назад. Январь. Она

А ещё я не любила праздники. Детство, конечно, не в счёт. Тогда была вера во что-то чудесное. Грёзы. Надежды. Искрящаяся радость.

Потом я смогла устроить свою жизнь. Только праздники по-прежнему не любила.

Эти, зимние, не были исключением. До того момента, когда Андрей Николаевич постучал в дверь ординаторской. До того, как я подарила ему на зимние праздники самый мощный артефакт, останавливающий кровотечение. А он мне – защитный амулет, выполненный в том же стиле, что и артефакт энергии, который отдал мне за своё спасение.

Уходя, он попросил разрешения пригласить меня на завтрак.

– Я, конечно, понимаю, насколько вы будете вымотаны, но так хочется встретить это утро с вами...

Ответила согласием.

В последнее время мне казалось, что между нами есть какая-то недоговорённость. Что-то он мне пытался то ли сказать, то ли, наоборот, не говорить. Это всё рождало странную печаль в глазах, когда он смотрел на меня.

Чаще всего я не помнила об этом, но иногда...

Иногда – но не сегодня.

– Море? – с изумлением выдохнула я, оглядевшись по сторонам.

– Море! – весело ответили мне. – В этой бухте оно никогда не замерзает. Это юг Поморья.

Я огляделась. Большой деревянный дом, терраса нависает прямо над волнами. От перспективы у меня захватило дух.

– Где мы? – спросила я.

– Это мой дом. На юге.

– Ещё одно любимое место?

– Самое любимое.

Мысль о том, что, наверное, не совсем прилично оставаться наедине в его доме, мне в голову как-то не пришла. В моём же мы оставались...

– А как спуститься вниз? – Мне стало весело.

– А как же завтрак? – передразнил он.

Я жадно смотрела на волны.

– Хорошо, – смирился Андрей Николаевич. – Море так море. Только ступеньки крутые. Осторожнее.

Я сидела на камне, опустив пальцы в воду. Отогнуть меня от воды у Андрея Николаевича не получилось. Зажмурившись, вдыхала солоноватый запах, слушала рокот набегающих на берег волн.

– Море мне снилось, – вырвалось у меня. – Родители и сестра – нет. А вот море... Каждый раз, когда я вспоминала,

как когда-то была счастлива, мне снилось море. Только не северное, не то, что в столице. Оно другое. И запах. И ощущение от него. Я, когда уже стала работать, в выходные как-то поехала на залив. И... сказки не получилось. А это... Это чудо!

Открыв глаза, я посмотрела на Андрея Николаевича. У него было какое-то странное выражение лица.

Я торопливо стала подниматься с камня:

– Я вас задерживаю... Простите.

Мне подали руку:

– Вы? – удивился он. – Нет. Просто я задумался.

– Пойдёмте завтракать...

А потом мы поднимались вверх по ступенькам, и он меня почти обнимал. И я не протестовала, потому что мне было настолько хорошо, что я боялась верить в происходящее.

* * *

Я проснулась на диване в гостиной. Помню, мы сидели в креслах у камина, разговаривали, о чём-то, смеялись...

Андрей Николаевич остался спать рядом. Он сидел на полу, откинувшись спиной на диван. Наши головы практически соприкасались. Я пригладила свои распущенные волосы. Надо же, он даже расплёл косы.

«И что мне со всем этим делать?» – подумала я. Хотела подняться и выйти на террасу, к морю. Но мужчина оказался

так близко. Дыхание ровное, спокойное. Длинные ресницы, на которые я обратила внимание ещё в нашу первую встречу... Неожиданно для себя, дотронулась кончиками пальцев до его щеки.

– Ира, – улыбнулся он сквозь сон.

Я смутилась – и убежала на террасу.

– Как вы ощутили, что можете лечить людей? – Он подошёл неслышно, встал у меня за спиной в своей привычной манере, на полшага позади. Вроде бы и рядом, но и не со мной. Поймала себя на том, что хочется чуть податься назад, чтобы коснуться, словно бы невзначай.

Солнце алым полукругом собиралось погрузиться в море. День промелькнул так незаметно, что хотелось просить каждую минуту – не уходи...

– Дом, в котором мы жили, был весь облеплен ласточкиными гнёздами. Каждый год кто-нибудь выпадал из гнезда. Знаете, ласточки избавляются от слабых – их просто выталкивают. Сколько мы с сестрой рыдали над каждым птенцом – не передать. А однажды, мне только-только исполнилось пять, я подняла испуганного птенчика, поделилась с ним теплом, добавила силы в крылья. И приказала – лети! А вы? Как вы стали военным?

Он неожиданно поморщился.

– Военное училище в нашей семье – традиция. Это не обсуждается. А чрезвычайные ситуации – куда ж без них в нашей стране. Надо же кому-то всё разгрести. Простите...

– А чем бы вы хотели заниматься?

Он задумался, потом ответил:

– Наверное, тем же самым. Только иной раз хочется, чтобы это был мой выбор. Хотя бы иллюзия выбора.

– Надо отправляться домой, – проговорила я едва слышно.

– Вы замёрзли? Я принесу вам плед.

И он действительно вернулся с огромным серым пледом.

– Позвольте?

Я развернулась к нему спиной и сделала этот самый маленький шаг назад, о котором мечтала. Замерла, почувствовав его руки на своих плечах. Стала заворачиваться в плед, постаравшись коснуться его ладоней. Словно бы невзначай.

– У вас руки совсем замёрзли... – Его ладони накрыли мои. Глаза закрылись сами собой. И я замерла, только сердце бешено колотилось. Но унимать его почему-то не хотелось.

Крикнула какая-то неугомонная птица. Я вздрогнула.

– Мне всё-таки пора, – прошептала я.

– Хотите, я сварю вам кофе?

Я хихикнула, вспоминая нашу беседу о приготовлении ужина.

– Вот зря вы так! Я готовить не умею. А кофе варить – вполне! – обиженно проговорили у меня над головой.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Кофе, и по домам. Завтра на работу. А я ещё и дежурю.

– А вы уснёте? После кофе? Он крепкий.

– Целитель – это такой человек, который засыпает, как только тело приобретает устойчивое положение в пространстве.

– Тогда пойдёмте в дом.

И Андрей Николаевич выпустил меня.

– Так вот откуда в доме появилась джезва, зёрна кофе и кофемолка. – Я внимательно наблюдала, как он священнодействовал.

Он лишь улыбнулся:

– Не хотел вас оставлять, но дел было много. А без кофе я очень плохо соображаю.

– То покушение, – проговорила я. – Их поймали?

– Одного – нет. – Он как раз разливал кофе по небольшим белоснежным чашечкам костяного фарфора. – Но не сказать, чтобы мы плохо старались. Пойдёмте к столу? Может, вам молока подать? Только я не уверен, что оно тут есть.

– Не беспокойтесь.

– Вам не нравится кофе? – спросил он через какое-то время.

– Я не знаю, нравится он мне или нет. Очень горячий. Я не могу такой пить.

Андрей Николаевич хотел, видимо, что-то спросить, но я поднялась с кресла. Он тоже немедленно поднялся.

– Зачем вы это делаете? – спросила я.

– Что именно?

– Вскрикиваете, когда я встаю.

– Не знаю...

Он удивлённо посмотрел на меня.

* * *

– Это был один из лучших дней в моей жизни, – тихонько сказала я, когда мы прощались около моего дома.

– И в моей... тоже, – отозвался он и протянул мне руку. Я подала свою. Он галантно, как-то по-придворному склонился и поцеловал мою ладошку.

Глава 10

Столица. Почти год назад. Конец января. Он

Настроение было ужасным – уже трое суток Андрей Николаевич был в командировке. В очередной раз убедился – как ни проверяй, всё ли готово к зиме, она обязательно придёт неожиданно. Как будто наместники никак не могут привыкнуть, что Поморье – северная страна. И ведь так искренне каждый раз удивляются и метелям, и заносам, и тому, что дома надо отапливать. И чем севернее губерния, тем искреннее удивление капризам погоды. Может, чиновников надо целительницам показывать, а то всё забывают, что зима придёт. Что будет суровой, как и положено в данном регионе, если вспомнить простейший курс школьной географии. Что снег всё равно выпадет. И что его необходимо будет убирать.

Так что трое суток он носился по региону и пугал. Проверял. Гневался. Потом на заключительном совещании уже спокойно сообщил, что его императорское величество разрешил ему, своему доверенному лицу, оформлять конфискацию имущества в пользу казны.

– Так что, господа, если вы не изыщете средств, чтобы нормально пережить эту зиму без очередных бедствий и чрезвычайных ситуаций, то я изыщу их лично.

Они как бы клялись, он как бы верил. Казалось бы, театральное действо. Однако действовало же! С тех пор как он взял за практику методично объезжать и пугать, количество экстренных мероприятий стремительно сократилось. Но только небеса знают, как же ему всё это надоело.

В столицу пришли снегопады. В этот раз какие-то особенно снежные.

Ирина задерживалась. Князь давно выдал ей амулет связи, чтобы они общались, когда он уезжал. Договаривались о встречах, о времени, когда она выходит с работы. Он всегда ждал её на другой стороне улицы, подальше от любопытных глаз.

Радомиров посмотрел на здание госпиталя – яркая, тёплого оттенка подсветка, горят окна.

– Где же ты, девочка моя?

И насмешливо улыбнулся – слышал бы его кто-нибудь из знакомых. Хотя бы один из генерал-губернаторов. Хотя нет, не дай небеса. Его позиция при дворе, как доверенного лица его императорского величества, была незыблема ещё и потому, что у него не было слабостей. А значит, не было болевых точек.

Так что на его привязанности к этой девочке, если б узнали, обязательно попытались бы поиграть...

Он уже собрался, послав к небесам свою конспирацию, отправиться в госпиталь и узнать, что произошло, как вдруг увидел её.

– Ира! – Он бросился туда, на свет, обнял её, уже ни о чём не думая – настолько потерянной она выглядела. – Что? Что случилось?

– Он умер, – выговорили её губы. – Я ничего не смогла сделать.

– Бедная моя девочка... – Прижать её к себе крепко-крепко, жалея, что невозможно забрать хотя бы часть её боли.

– Ирина Алексеевна, – раздался знакомый голос княгини Снеговой. – Нельзя так реагировать. Смерть – это неотделимая часть жизни. А мы можем исцелять, но никак не воскрешать. Смиритесь с этим. Вы и так сделали всё возможное. Вам не в чем себя упрекнуть.

Девушка дёрнулась, чтобы высвободиться из объятий. Но он не собирался её отпускать. Поэтому она развернулась, а князь, стоя за спиной Ирины, продолжил её обнимать. В конце концов, он практически всемогущ в этой стране. Уж высший свет он как-нибудь построит, а её общение с этой клоакой можно свести к минимуму, и пусть себе она лечит людей по-прежнему. Только надо будет охрану усилить.

– Отправляйтесь домой. Вон молодой человек ждёт...

Тут супруга князя Снегова его узнала.

– Добрый вечер, – произнёс он, отрицательно качая головой и приказывая этим жестом ей молчать.

– Вам придётся объясниться, – холодно сказала княгиня, но вняла безмолвному приказу. И не стала раскрывать его инкогнито.

– Я могу нанести визит завтра? Перед тем как вы отправитесь на службу?

– Безусловно, – склонила голову целительница. – В семь пятнадцать. Хорошего вам вечера.

И она удалилась.

Хлопок, и Радомиров перенёс Ирину в своё поместье у моря.

– Я что-то сделала не так? – напряжённо спросила девушка. Она высвободилась из его объятий, подошла к огромному, во всю стену, окну и уставилась в крошечную темень, пытаясь разглядеть за ней море и небо. – Наталья Николаевна гневалась.

– На меня, как я понял, – улыбнулся он, подходя и обнимая. И почему он не принял решения жениться раньше? Мужился почти месяц? Придумывал себе глупости всякие.

– Вы что-то сделали не так? – продолжила между тем расспрашивать Ира.

– Княгиня Снегова переживает за вас. – Он легонько поцеловал волосы любимой. – И хочет узнать мои намерения.

– Ваши намерения...

Она обернулась, посмотрела на него, оглядела огромную гостиную его дома. Распахнула глаза, будто просыпаясь. И князь словно прочёл её мысли, которые понеслись вскачь, как подковами по брусчатке мостовой – неприлично, недостойно, недопустимо... Он понял – ей стало стыдно. Она с такой лёгкостью, даже не задумываясь, откинула все нормы

поведения, приличия, не раздумывая, оставалась с ним наедине. И ей было так хорошо, так спокойно, что она даже позволила себе мечтать. Он был уверен в этом.

Ирина решительно высвободилась из его объятий.

– Андрей Николаевич, перенесите меня домой. – Голос не дрожит, хоть с этим она могла себя поздравить.

– Я бы не хотел оставлять вас одну в таком состоянии.

– Мне надо это пережить, вот и всё, – холодно сказала она. – Как мне объяснили сегодня, винить мне себя не в чем.

Он тяжело вздохнул.

– Но необязательно же переживать это в одиночку...

Ирина подняла на него безжизненный взгляд:

– Мне не привыкать.

– Ира, не надо...

– Я хочу остаться одна. Пожалуйста.

– Нет. Вам надо поесть. Я бы рекомендовал выпить коньяку. Потом выйти к морю и покричать. Лучше всего поплакать. И к утру смириться с тем, что вы не всесильны. Это очень больно, по себе знаю. Но одной это пережить можно. Но, безусловно, не нужно.

– Да что вы обо всём этом знаете? – прошипела она злобно.

– Может быть, больше, чем мне бы хотелось. – Князь отошёл от неё, открыл шкафчик, достал пузатую бутылку, снял со стойки два бокала, наполнил их. – Я лишился родителей, когда мне было восемнадцать лет. Акция бомбистов. Эки-

паж так наспиговали ледовыми бомбами, что хоронить было уже практически некого.

– Я знаю, как действуют подобные бомбы, – бесцветным голосом проговорила она, сцепив пальцы. – Радиус поражения до десяти метров, разлетевшиеся осколки прошивают тела попавших под удар, как бумагу. Сфера из переплавленных осколков чёрного хрусталя. Внутри – зачарованный лёд. На уроках в академии нам рассказывали. И показывали.

Андрей Николаевич решительно сунул ей в руки бокал, выпил свой и уставился на огонь камина, повернувшись к ней спиной.

– Простите. – Она подошла и положила руку ему на плечо. – Я не знала.

– Выпейте коньяк, Ирина. К сожалению, других успокоительных в доме нет. Да я их и не знаю.

– Настойка ледяного мха, – улыбнулась она сквозь слёзы. – По капле на год жизни...

– Могу слуг отправить. Вам будет легче, если вы выпьете лекарство?

Он по-прежнему не поворачивался.

Она обошла его и обняла сама.

– Ирочка, – шептал он, осыпая её короткими и нежными поцелуями-узнаваниями, поцелуями-вопросами, подглядывая за выражением её лица из-под длинных ресниц. А руки уже сами тянулись к её волосам, которые, как и полагается, были уложены в строгую гладкую причёску. Почему ему

всегда казалось, что от такой укладки у неё болит голова?

Она вздохнула и прижалась к нему. Положила руки ему на плечи. И лёгкость поцелуев исчезла, её сменило неистовство.

Князь её целовал – страстно, жадно, уже не думая ни о чём и потихоньку отбрасывал шпильку за шпилькой, пока не высвободил косу. Он гладил её распущенные волосы и не мог остановиться. Не мог насытиться. Смог только чуть приоткрыть глаза, чтобы посмотреть на неё.

Какая серьёзная мордашка! Он не мог не улыбнуться. Она почувствовала эту улыбку на своих губах и очнулась.

Мучительно покраснела.

Он погладил её по щеке.

«К небесам всё! За два-три дня я организую нам свадьбу, порву всех, кто хоть косо взглянет. Императрица не рискнёт со мной связываться, и на неё найдётся управа».

И он прижал девушку к себе ещё крепче.

И князю стало так легко, как не было с тех самых восемнадцати лет, когда привычный мир вдруг рухнул.

Он опять потянулся к её губам, но остановился, потому что вспомнил:

– Ты не ужинала!

Улыбнулся её недоумённому взгляду, потому что она чуть было не сказала вслух: «Какой ужин?» Поэтому спросил уже недовольно:

– Ты хоть обедала нормально?

Ирина, лукаво улыбаясь, отрицательно покачала головой.

– Охрану приставлю! – грозно заявил он.

Потом вспомнил, что охрана уже приставлена, и огорчился. А когда подумал, что ему ещё и объясняться с Ирой...

– Ужинать! – возвестил вслух, а про себя подумал, что и это решается.

После еды она стала дремать, сидя прямо за столом с открытыми глазами, да ещё и умудряясь ему что-то отвечать. Получалось, правда, не очень внятно. Поэтому Андрей Николаевич сделал над собой героическое усилие и преодолел искушение оставить ночевать её в своём доме.

– Я отнесу тебя домой. – Подошёл к ней и подхватил на руки.

– Сумка и жакет. – Всё-таки Ирина была прагматична. – И на вешалке моё пальто.

Подождал, пока она соберётся. И с печальным вздохом доставил домой, прямиком в гостиную.

– Только пообещай, что сразу ляжешь спать. Наверняка сумасшедший день будет, – прошептал, уже прощаясь. И поцеловал. Снова.

– Хорошо, Андрей Николаевич, – с интонацией первой ученицы ответила она.

– Называть мужчину, с которым целуешься, на «вы» и по имени-отчеству... – раздосадовано протянул он. – Это...

– Неприлично? – улыбнулась она.

– Практически. Я встречу тебя завтра после работы, и мы поговорим. Пока тренируйся.

В семь пятнадцать утра он был у княгини Снеговой.

– Я искренне благодарен вам, ваше сиятельство, за то, что вчера вы сохранили мою тайну и не стали раскрывать моё инкогнито, – после всех необходимых ритуалов приветствия, поклонов и целования ручек заявил он.

Княгиня не садилась, демонстрируя своё недовольство, поэтому и он остался стоять.

– Я так понимаю, – аккуратно подбирая слова, начала она, – что моя сотрудница понятия не имеет, кто тот молодой человек, с которым у неё роман?

– Вы совершенно правильно всё понимаете, – не стал спорить с очевидным он.

– Ваше сиятельство, вы понимаете, насколько дурно это выглядит со стороны?

– Отчего же? – вдруг разозлился князь. – Я что, подлец? Или насильник? Не человек? У меня не может быть искренней привязанности?

– Вы человек, которого я, бесспорно, уважаю. Однако... Что будет с этой девочкой? Она и так практически не сходится с людьми. У неё нет родных. Нет друзей. А после... опыта общения с вами... Она же никого никогда к себе не подпустит!

– Ей не придётся кого-то к себе подпускать. – Яда в его

голосе было предостаточно. – Моей супруге, согласитесь, это будет не к лицу.

– Что? – изумилась княгиня.

– Ваше сиятельство... Я уважаю вашу заботу об Ирине Алексеевне и лишь поэтому с вами беседую. Однако согласитесь... – Он как-то устал объясняться витиевато и просто сказал: – Это всё обидно слышать.

– Вы ведь аристократ. Первая фамилия империи.

– Поэтому у меня больше проблем с заключением брака, чем у полковника, которым я имел неосторожность представиться в начале нашего знакомства.

– И дело только в этом?

– Совершенно верно.

– Тогда я сохранию вашу тайну и дам возможность объясниться с вашей избранницей самостоятельно, – склонила голову княгиня. – И... приношу свои извинения за необоснованные подозрения.

Князь отбыл на службу. Так как он планировал исчезнуть где-то дней на пять, сразу после празднования тезоименитства наследника, то надо было максимально разобраться с текушкой, распределить обязанности. И ещё много чего интересного, включая беседу с его императорским величеством.

Вместо этого он битый час выслушивал причитания её императорского величества на предмет того, как она боится, что на дне рождения наследника может случиться что-то плохое.

В глубине души князь был с ней абсолютно согласен. Как и служба безопасности, а также ещё добрый десяток организаций, отвечающих за порядок на подобных мероприятиях. Однако монархия держится на традициях, на торжественности вот таких моментов. На единении власти и народа. Конечно, на иллюзии единения, но эту самую иллюзию как раз и надо было создавать тем более старательно, что опять пошли покушения. И начались они как раз с него, с великого князя Радомирова Андрея Николаевича, верного пса престола.

– Я могу гарантировать, что всё возможное и невозможное будет сделано. К тому же на наследнике будет кольцо с мгновенным телепортом. Если что, он будет перенесен в безопасное место.

– Почему нельзя раздать эти кольца всем?

– Размечает, – пожал плечами князь. – Один уйдёт. Если же все сразу – эффект будет равен той самой бомбе, которую могут бросить.

– Вы столь равнодушны к чужой жизни, – патетично прошептала императрица.

– Я тоже буду там, – пожал плечами он.

– Если с моим сыном, наследником империи, что-то случится, я вам никогда этого не прощу!

– Я понимаю ваше беспокойство и сделаю всё, чтобы не допустить покушения.

И вот так, об одном и том же, уже полтора часа. Участни-

ки совещания меланхолично ожидают за дверью, а вот они-то как раз и должны обеспечивать ту самую безопасность, о которой так печётся её величество.

Обычно князь так долго не выслушивал императрицу – ни сил, ни времени, ни желания особого не было. Но сейчас, когда он со дня на день будет представлять невесту... Порти́ть отношения ещё больше не хотелось.

Поэтому он терпеливо рассказывал – вот не думал, что в нём есть подобная добродетель, какие беспрецедентные меры безопасности... Какой силы защитный купол... Сколько полицейских в охране...

Наконец, императрица поднялась, показывая, что беседа окончена.

«Слава небесам!» – подумал князь.

Можно было начинать совещание.

А он ещё не поговорил с императором.

Через час понял, что не успевает.

Мысленно связался с Ириной – надо научить её общаться, не используя кулон, это намного удобнее и вслух говорить не надо.

«Милая! Я задерживаюсь. У нас нескончаемое совещание. И я не могу ни покинуть его, ни перенести. Доберёшься домой сама?»

«Хорошо».

Даже сквозь расстояние он понял, что она смущена. Но проговорить все моменты завтрашнего мероприятия было

попросту необходимо, поэтому, подавив тяжёлый вздох, он уселся поровнее и стал слушать ещё внимательнее.

Через два часа она позвонила сама. Князь посмотрел на часы – восемь вечера скоро. А у них ещё...

Пользуясь тем, что докладчики менялись, ответил под изумлённые взгляды присутствующих:

– Да... могу. Сейчас. Пять минут перерыв, мне надо ответить.

Подождать, пока все выйдут, повернуться к окну, уставиться на панораму расцвеченной огнями реки. Город заносило снегом.

– Ты только выходишь? Опять задержалась?

Послушать, как она рассказывает что-то про маленького, но храброго гимнаста, который бежал домой с тренировки с папой наперегонки.

– Представляешь, они столкнулись и упали. Мальчик пальцы на правой руке сломал. Папа колено разбил. Мама и сердится, и обнимает. А мальчик плачет, что его с соревнований могут снять – а они через неделю.

– И ты ему помогла?

– Да. Только завтра посмотрю его ручку, можно ли на тренировку, и вперёд.

– Умница. А я вот, ещё на работе.

– Я поняла, – рассмеялась она.

– Я могу зайти к тебе сегодня? Нам надо поговорить. Только это будет поздно.

– Хорошо, – ответила Ирина. – Я буду ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.